Липецко-Елецкая епархия

Задонский паломник

№ 31 2003 г.

По благословению епископа Задонского Никона

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

Оставь любопытствовать, что делается в том или другом месте; озаботься узнать, при помощи слова Божия, что делается в душе твоей, к какой ты идешь окончательной цели, к погибели или ко спасению, на каком пути ты находишься, на пути ли праведных или на пути нечестивых?

Святитель Тихон Задонский

В НОМЕРЕ:

ВРЕМЯ ПОКАЯНИЯ
Проповедь епископа Задонского Никона

НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО
«Искушение»

РАЗДЕЛЯВШИЕ РАДОСТИ И СКОРБИ
Из воспоминаний келейников свт. Тихона

ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ
Святитель Феофан Затворник

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ
Из воспоминаний о схиархимандрите Виталии

ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ
Из бесед с Кавказским пустынником
Часть 1: «Об унынии»

ПОДВИЖНИКИ ЗЕМЛИ ЛИПЕЦКОЙ
Священномученик Уар (Шмарин)

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ
Заповеди блаженства

СХИИГУМЕН ЕВСЕВИЙ
«Строитель и созидатель»

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ ТИХОНОВСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ
Часть 1.

СХИИГУМЕН МИТРОФАН
Рассказывают паломники

ВЫСШИЕ ПУТИ ЖИЗНИ
«Идеалы христианской жизни»

ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ
и другое...

Храм Божий есть храм молитвы, и ради того в храм Божий входим, чтобы молиться; не друг на друга смотреть, но к единому Богу сердечные очи возводить; не себя другим показывать, но совесть свою, грехами обремененную, пред Богом обнажать; не ликовать, но о грехах Бога умилостивлять; словом, молиться Богу приходим в храмы святые.

Святитель Тихон Задонский

Время покаяния

Проповедь епископа Задонского Никона.

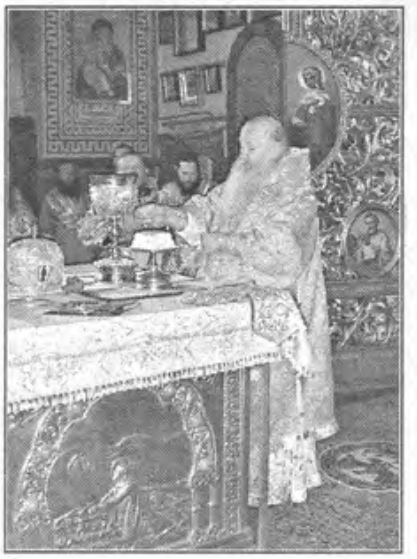
Владимирский собор, 12 октября 2003 г.

«На реках Вавилонских тамо седохом и плакахом, внегда помянути нам Сиона» (Пс. 137, 1)...

Когда израильский народ был в Вавилонском плену, евреи копали канавы, строили оросительные системы, повесив на вербы свои музыкальные инструменты — орга́ны — и, плача о потерянном отечестве, пели сионские песни. Они плакали о своем храме, где когда-то приносили жертвы, общались с Богом, очищались. Они плакали о Сионе.

А мы, дорогие, не плачем, когда видим, что попали в плен к диаволу, хотя это самый ужасный плен, потому что он уводит нас в смерть, в муку вечную, откуда нет возможности вернуться. Мы не плачем о своей душе, потому что нет у нас веры — нам часто приходит на ум, что, может быть, в загробном мире все совсем не так, как нам об этом пишут и говорят.

Но если древние Отцы плакали о потерянном Рае, если наши предки плакали, видя кощунственное осквернение мощей, разрушение русских святынь, храмов, монастырей — неужели они были в заблуждении или больны рассудком? Нет. Ведь они плакали о потере Бога. Мы же считаем, что Господь нам не нужен. Он сказал: *«Не любите мира, ни яже в мире»* (1Ин. 2, 15), — но мы полагаем, что это невозможно, ведь мы живем в миру и все его прелести нам приятны и желательны, для нас сейчас изобретают новейшую технику, конструируют современную аппаратуру, для нас создали телевидение, интернет, разные виртуальные системы и т.п. И если все это от нас убрать, то мы не найдем, чем себя занять, в чем бы найти хоть какой-то интерес или удовольствие. Мы думаем: «Если Бог есть, то, вероятно, это Он



способствовал изобретениям, значит, Он благословил нам все то, что сейчас у нас есть и чем мы наслаждаемся». И никто из нас, дорогие, не плачет о том, что наша душа уже давно в плену у диавола и погибает.

Лукавый увлек нас приманками технологии, увел от Бога, от храма, от молитвы, от чтения Священного Писания. Мы черпаем множество информации через телевидение и другие системы и так порабощены миром и его прелестью, что у нас не остается и малого времени для молитвы, для своей души.

Но Господь сказал: *«Вы восплачете и возрыдаете, если здесь вы смеетесь и радуетесь. А если здесь вы плачете и рыдаете, то там — в будущем веке — возрадуетесь, когда ваша душа переселится в радость вечную, в сладость рая* (ср. Лк. 6, 25 и Ин. 16, 20). И поэтому если сейчас нам радостно, весело и беззаботно, если сегодня у нас есть все нужное для того, чтобы проводить время в наслаждениях — помните: очень горько будет, когда мы, плененные здесь диаволом, уйдем к нему, в ад, в место вечных мук...

Освободившись из Вавилонского плена, евреи решили строить храм, чтобы там иметь общение с Богом. Но без воли Божией ничего невозможно создать. И когда при Иулиане-отступнике шло строительство, из-под фундамента вышел огонь, опалив рабочих и даже камни. Впоследствии храм все же был построен, но в настоящее время от него ничего не осталось — только кусок Стены плача, который как бы говорит всем (и евреям, и нам) о том, что пришло время Нового Завета. В Ветхом Завете в святая святых храма входил только первосвященник и то только один раз в год: целый год он готовился к этому, очищая себя жертвами! А в Новом Завете уже каждый священник входит в храме в алтарь — святая святых. Входит безнаказанно, зная о том, что Господь есть любовь.

Но мы зачастую слишком надеемся на милосердие Божие, не стараясь, однако, жить по Его заповедям. Бог долготерпит нас, а мы не понимаем этого и думаем, что так будет всегда. Чаша терпения Господня наполняется, а, может быть, уже переливается через край —

и посылаются нам вразумления: природные катаклизмы, неисцелимые болезни, различные скорби, голод, моры... Но мы опять никак не можем образумиться и понять, что землетрясение — не для тех, кто погиб во время него. Оно послано нам. Послано для того, чтобы мы помнили, как непредсказуема наша жизнь: мгновение — и нас нет! А мы будучи порабощены диаволом, продолжаем служить ему и делом, и помышлением, и тем самым очень вредим своей душе.

Так вот, дорогие, мы должны отстать от прежней греховной жизни, уйти из диавольского плена, омыть слезами покаяния свои падения и придти ко Господу. Придти и сказать: «*Господи, согрешил я пред Небом и пред Тобою и уже не смею называться Твоим сыном — прими меня хотя бы как наемника*» (ср. Лк. 15, 18-19). Аминь.

Поздравляю вас с праздником — воскресением Христовым. И призываю на всех Божие благословение.

Наставник святителя Тихона Задонского

ИСКУШЕНИЕ

Видишь, что железо огнем умягчается, и чем более жжется, тем мягчайшее бывает. Так же и всякий человек: от природы как железо жесток есть; злость греха сердце ожесточила и, как железо, твердым сделала. Сердце, благодатью Духа Святого не обновленное, в Писании Святом называется *каменное. Исторгну каменное сердце от плоти их и дам им сердце плотяное* – глаголет Господь (Иез. 11, 19).

Того ради от природы всяк человек весьма непослушливым и непокорным Богу бывает. Ничего не могут слова, угрозы и увещания, когда Божия благодать не способствует: как железо холодное, молотом ударяемое, непреклонно и неизменно бывает. Но когда огнь благодати Божией коснется сердца и согреет, начнет умягчаться; и чем больше этим небесным огнем жжется, тем более умягчается, краснеет и чистейшим делается. Тогда человек от мира и всего, что в нем красное, приятное, веселое и сладкое есть, отвращается, и за ничто считает, что прежде за великое и дорогое почитал. Только к небесному и вечному всем сердцем стремится, на все, что Бог благоволит, охотнейшим послушником себя показывает. К сему блаженному состоянию сердца сколь нужно есть искушение! Ибо искушение:

1) Показывает сердца нашего бедственное и плачевное состояние; показывает, что в нем великая злость и жестокость кроется, и к чему оно клонится. Так убеждает нас познавать свою бедность, окаянство и ничтожество духовное.

2) Убеждает искать способ, которым бы от этого избавиться: и не иной представляется способ, как Божия благодать, которая верой и усердной молитвой приобретается. Чем же от природы своей злой избавиться может, как только Божией силой, которая все может – так может и злое естество переменить и, как огнь железо, умягчить?

3) Убеждает мир оставить и только Бога искать, у Которого единого есть истинное и непоколебимое блаженство.

Все это значит, что на христиан столько бед и напастей в мире этом находит! Ибо этим они, как железо в огне, умягчаются, и, как золото и серебро в горниле, очищаются и благоприятными Богу становятся. Не убегай, возлюбленный христианин, от искушения и креста, от Бога посылаемого. Когда безропотно и великодушно потерпишь и понесешь его, принесет тебе великую Божию милость. Плоти нашей горестно терпеть, но этим внутренний человек исцеляется и здравие получает. Надо же непременно *совлекаться ветхого человека*, то есть природного злонравия, когда хотим *облечься в нового человека*, что необходимо для спасения.

Разделявшие радости и скорби

Из воспоминаний келейников святителя Тихона

Записки Ивана Ефимова (часть 6)

Преосвященный делывал выговоры, когда о начальниках монастыря или о братиях внушают что-либо, клонящееся к осуждению. Сего он терпеть не мог, а всякого приучал внимать себе самому. Клеветников, как и злонравных ненавистников, отвращался.

Ежели когда послышит смеющихся и грохочущих из живущих при нем келейных, то без епитимий не оставлял, или выговором накажет, со скромным изъяснением вездесущия и всеведения Божия, что самое в страх и трепет приводило их. Он, без обиновения[1], всякому приезжающему и приходящему к нему, кто бы он ни был, хотя бы из самых благодетелей его, кои снабжали его нужными вещами, если послышит в разговорах осудительную относительно ближнего материю, с нравоучением делал выговор и от осудительных речей отвращал и затворял таким уста, чтобы впредь никогда он того не слыхивал.

В 1755 году в Задонском монастыре архимандрит Варсонофий с лишком месяц в великой был болезни; наконец трое суток сидел в креслах, едва дыхание испущал и не смотрел глазами, а как проглянул, то начал спрашивать служащих при нем: «Где я?» И приказал собрать братию и начал сказывать свое видение: «... Будто меня по каким-то дивным местам водили и все мои дела показывали, в чем я пред Богом погрешил; и потом я услышал тонкий глас: «Моления ради Пресвятыя Богородицы и священномучеников Моисея и Андрея Стратилата, даруется ти живот; сие место прославится некиим угодником Моим». И о сем при жизни покойного Преосвященного ему сказывали, а он приказал впредь никому об этом не говорить, и сам сказывал только любящим его, а особливо отцу Митрофану, которого он любил, что и из писем видно. И еще поведал мне Преосвященный, что-де он хаживал ночами вокруг церкви и молился: «Господи, скажи мне уготованное любящим Твоим, и что есть Елеон?» И, зашедши противу алтаря, молился и видит: все небо отьорилось, монастырь весь во свете стал, и глас был: «Виждь уготованное любящим Бога»; и видел он неизреченная благая, и от страха пал на землю, и едва мог до келлии доползть. И еще поведал той же друг мой: в тонком сновидении мнехся[2] быти в церкви, и в оной увидел двух святителей во облачении, зело[3] прекрасных, один в патриаршем одеянии; а он стоял близ них. И вышел из алтаря архидиакон с хрустальным кадилом, и прежде архиепископа покадил, потом патриарха, и потом оного человека; и поглядя тот человек, который сие видение видит, кто оный, и познал – самого того числа было Германа патриарха и архиепископа Епифания день, то есть сие видение было мая в 12-й день. И еще-де видение видел той же друг: привели его к хрустальным и красоты предивной палатам, и видел в оных столы убранные, и пирующих, и пение и лики, хотя и не уразумел стихов. «Хороши ли?» – вопросили его. И отвещал: «Зело хороши». «Пойди и заслуживай», – был ему ответ. Только не рассмотрел, какой пол; а палаты все хрустальные.

Слышанное мною от уст его (Святителя).

1) Во время учения его в Новегороде, будучи уже в философском классе, согласясь с товарищами своими, взошли они в Антонове монастыре на колокольню. Дело было о Пасхе. Когда все бывшие сошли с колокольни, он остался тамо один. Облегшись[4] в окне на перильцы, занимался он благими размышлениями и не усмотрел того, что перильцы опасны по ветхости были; вдруг перилы разрушились и оборвались с колокольни на землю; с падежем оных следовало б и ему с колокольни пасть на землю, но он, вместо того, как бы кем от оных оторван, пал назад сильным ударением.

2) В другой раз, по случаю некоему, ехал он на верховой лошади полевою дорогою. Лошадь под ним начала его бить, так что он не в силах был ее укротить, седло свернулось с ним под лошадь, и одна нога его заделась в стремена. Случай был конечный к смерти, но на всем скаку своем лошадь та вдруг остановилась, как бы кем воспящена[5].

3) На епархии Воронежской находясь, ехал он однажды из дома архиерейского зимним временем в возке к некоторому из купцов, своему благодетелю, для посещения его в болезни его. Была пара лошадей, как он нередко езживал. На дороге, для некоей поправки около лошадей, кучер остановился: на подмогу к нему подошли сзади возка стоявший келейник и ехавший верховым служитель. По исправке той, не успел кучер сесть на козлы, или на передок, как вдруг лошади поскакали с одним Преосвященным (по Воскресенской улице, к Покровской церкви). Преосвященный, видя очевидную себе смерть и не удерживае-

[1] Сомнения, опасения.

[2] Казалось мне.

[3] Очень.

[4] Оперевшись.

[5] Обращена вспять, назад.

мых идущими по той улице лошадей, отворил у возка дверцы и на всем скаку лошадей бросился вон из возка, и так Бог его сохранил, что он почувствовал даже, что его как бы кто-то с обеих сторон под руки подхватил. Он стал на ноги твердо и удивлялся благости Божией. По сим-то причинам, благодаря Бога, пишет он в духовном своем завещании: «Слава Богу, яко при бедственных и смертных случаях меня сохранял!»

Еще достопамятное замечание.

Во время слушания Божественной литургии он иногда столь углублялся в размышления о любви Божией к роду человеческому и о искуплении оного непостижимым таинством Воплощения Христа Сына Божия, о страданий Его и о таинстве Евхаристии, что иногда при многолюдственном собрании плакивал и рыдал даже. И когда замечал, что во время призывания Святого Духа священником на спасительные Дары стоящие в храме не молятся, купно со служащим священником, во время пения: *Тебе поем*, – не обинуясь всем делал выговор и побуждал всех к должной молитве и молению. А в воскресные дни и другие праздники, когда слушал литургию, и начальник монастыря или из братии от небрежения оставляют чтение синодских проповедей, то он, при всем собрании остановя, по заамвонной молитве, пение, побуждал с выговором к душеполезному тому чтению. А паче игумену Самуилу делал он такие выговоры, так что сей однажды, надев епитрахиль, сам начал читать.

Он любил архимандрита Сампсона. По случаю приезда некогда в Задонск преосвященного Тихона III для посещения друга своего, приехал с Преосвященным и архимандрит оный и, будучи один у Тихона в келлиях, между разговорами, начал за богоугодную жизнь хвалить его в глаза, так что и прибавил к тому, что он прославлен быть может и по смерти нетленным телом; за что он на него, архимандрита, весьма оскорбился, до того, что счел его за предстоящего и говорящего в нем духа лукавого, и с тех пор вельми на него сетовал; ибо терпеть таковых хвалебных слов ни от кого не мог, взирая на живой пример умершего и четверодневного, уже смердящего Лазаря, праведного друга Христова. Се живой пример глубокого смирения его! Внимая себе самому, он даже самые благие свои мысли рассматривал так тонко, как могут видимы быть на руках черты и линии, – о сем он всякому хотящему спастися с объяснением внушал.

Еще о подаянии милостыни, в прибавление.

Он тот день, в который у него из бедных никого не было, крайне скучал, так что как бы о потерянии какой-либо приятной ему вещи печалился.

Сие неправильно выпечатано, что он якобы *томился* при кончине; а было вот каким образом. Предузнав конец своей жизни за три дня, Преосвященный приказал мне, чтобы я в те три дня не допущал никого, а паче при разлучении его души от тела, что и было, в выполнение приказания его, наблюдаемо[6]. Но отец игумен Самуил накануне кончины Преосвященного, по скромности своей, пришел сам собою и сел подле одра болящего, на коем он лежал, но лежал без всякого томления, закрывши точию глаза. Игумен начал у него вопрошать: не будет ли какого приказания? Преосвященный, открывши очи свои и взглянув на него, сказал мне на ухо, чтоб он его не безпокоил и что нет никакого приказания. Он, поцеловав у Преосвященного десницу, пошел в свои келлии, а меня вызвав, приказал, чтоб я непременно ему при самой его, Преосвященного, кончине доклад учинил. Я, как человек маленькой, и остаюсь осиротевши, лишаясь отца и пастыря, устрашась строгого приказания, за час или за полтора часа до кончины Святителя послал к игумену с докладом. Но посланный, пришед к его игуменской спальне под окно, многочисленно творил молитву и во оконную затвору стучал, но никак не мог его спящего разбудить, с тем и возвратился. Я же, опасаясь и воображая предмет строгого приказания, к отцу игумену паки посылал, но и опять не могли возбудить его. Тут, послышав о приближающейся кончине Святителя, все монашествующие, кои находились в то время в церкви на утреннем пении, пришли сами собою к Преосвященному, желая видеть кончину его. С полчаса стояли они в келлии, в глубоком молчании. Но покойный схимонах отец Митрофан, будучи тут же, сказал, что Преосвященный еще не скоро умрет, и пошли все обратно в церковь, на слушание утреннего славословия. После ухода их он чрез скорое время и стал кончаться. И так святительская его душа разлучилась с телом 6-го часа в 45 минут утра, августа 13-го числа, при нас одних только, в болезни ему служивших, четырех человеках. Смерть его столь была спокойна, что как бы заснул он; ниже[7], как обыкновенно бывает, корпус всего тела вытянулся, но едино только замечено мною: при последнем издыхании открыл он глаза и паки сомкнул – тут и узнал я совершенное разлучение души его с телом, поелику его святительская глава на моей грешной десние и лежала. И хотя он, Преосвященный, во время своей болезни редкую неделю не приобщался, но на сей неделе, на коей ему умереть, приобщался Святых Христовых Таин, помнится, два раза. Однако и 12-го числа ввечеру приказал просить иеромонаха чередного, чтоб, как можно поранее отслужа литургию, прийти к нему с Потиром Святых Таин; но утреннею службою приопоздали. В 3-м часу по полуночи, по требованию его, я поднял его для принятия, против нестерпимой жажды, чайной воды горячей; выкушав половину чашки, он спрашивал о служении литургии, и, по приказанию его, я посылал к чередному иеромонаху; но как он, Преосвященный, не есть им власть, то и всегда медленно было по его просьбе.

[6] Соблюдено.

[7] Ни даже; и не.

ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ

Святитель Феофан Затворник

Как относиться к делам житейским, чтобы они не отвлекали, а совмещались со служением Богу

Без дела как быть? Будет грешная праздность. И работать что-нибудь надо, и кое-какие по дому хлопоты исполнять. Это долг ваш. И внешних отношений пресечь нельзя. Надо держать их, и держать достодолжно. Это долг общежития человеческого. Но все такого рода дела и занятия можно и должно справлять так, чтобы они не отбивали мысли о Боге.

Есть у нас поверье, и чуть ли не всеобщее, что коль скоро займешься чем-либо по дому или вне его, то уже выступаешь из области дел Божеских и Богу угодных. Оттого, когда породится желание жить богоугодно или зайдет речь о том, то обыкновенно с этим сопрягают мысль, что уж коли так, то беги из общества, беги из дома – в пустыню, в лес. Между тем и то и другое не так. Дела житейские и общественные, от которых зависит стояние домов и обществ, суть Богом определенные дела, и исполнение их не есть отбегание в область небогоугодную, а есть хождение в делах Божеских.

Имея такое неправое поверье, все так уж и делают, что при житейском и общественном и заботы никакой не имеют о том, чтобы думать о Боге. Вижу, что это поверье и вами владеет. Извольте же отбросить его и убеждение возыметь, что все, что вы делаете по дому и вне, по делам общежития, есть – Божеское и Богу угодное. Ибо на все, сюда относящееся, есть особые заповеди. Заповедей же исполнение как будет неугодно Богу? Своим поверьем вы точно делаете их не угодными Богу, потому что исполняете их не с тем расположением, с каким хочет Бог, чтобы они были исполняемы. Божеские дела не по-Божиему у вас творятся. Они и пропадают даром, и еще от Бога ум отбивают.

Исправьте же это и отселе начинайте все такие дела делать с сознанием, что так делать – заповедь есть, и делайте их, яко заповедь Божию исполняюще. Когда вы так настроитесь, то ни одно дело житейское не отдалит вашей мысли от Бога, а, напротив, приблизит к Нему. Все мы рабы Божии. Каждому Он назначил свое место и дело и смотрит, как кто исполняет его. Он везде есть. И за вами Он смотрит. Содержите сие в мысли и всякое дело делайте, как бы оно было поручено вам прямо от Бога, каково бы это дело ни было.

Так делайте дела по дому. А когда кто совне приходит или сами выходите вовне, держите в мысли в первом случае, что Бог вам послал то лицо и смотрит, по-Божиему ли вы его примете и к нему отнесетесь, а во втором – что Бог поручил вам дело вне дома и смотрит, так ли вы сделаете его, как Он хочет, чтоб вы его сделали.

Если настроитесь так, то ни домашнее, ни внедомовое – ничто не будет отвлекать ума вашего от Бога, а, напротив, будет держать при Нем, с соображением, как бы сделать дело, приятное Богу. Все будете делать со страхом Божиим, а сей страх будет поддерживать неотступное внимание к Богу.

А то, какие дела, по семье и вне оной, угодны Богу, – это извольте уяснить хорошенько, взявши в руководство книжки, в которых излагаются должные здесь дела. Хорошенько уясните – для того, чтобы в нынешних житейских и общественных порядках отделить от достодолжного все то, что внесено сюда суетностью, страстями, человекоугодием и мироугодием.

Что всякое дело, сознанное достодолжным, надо делать со всем усердием, это есть долг, огражденный страшным прещением: *проклят всяк, творяй дело Божие с небрежением*. Но **забота или многозаботливость, точащая сердце и покоя ему не дающая, есть болезнь падшего, который взялся сам устроить свою судьбу и мечется во все стороны**. Она разбивает мысли и даже на том деле, о котором хлопочет, не дает им сосредоточиться. Так вот, извольте вникнуть и, если найдете, что и вас одолевает иногда эта забота, потрудитесь прогнать ее и не давать ей хода. Усердие к делам имейте и, делая их со всем тщанием, успеха ожидайте от Бога, Ему посвящая и самое дело, как бы оно мало ни было, – а заботу подавляйте.

Сделайте так – и ваши занятия и дела житейские не будут вас отвлекать от Бога.

Ищите такого настроения, чтоб телом делать обычные дела, а духом всегда быть с Господом. Милостивый Господь дает безпопечение, по которому все делается в свое время, но ничто не озабочивает и не томит. Ищите, просите – и дастся.

Нужно избегать осуечения, что составляют не дела, а образ совершения их

Об одном надо позаботиться, чтоб все это меньше осуечало ... полагаю, что возможно, при всех хлопотах, держать душу не суетящеюся. Ибо и великие святые строились и хлопотали же? Афанасий Афонский и умер на строении. Стало быть, можно совмещать с внутреннею жизнию хлопоты строительные. Как? Извольте ухитряться сами.

Мне думается, надо себя так наладить, чтоб не суетясь делать возможное... и, делая одно, не забегать вперед и не нахватывать в голову десятки других дел. Когда дело определено, уже от него можно отвести внимание и держать его где должно, пока дело в ходу и идет к концу. Когда кончится и надо другое начинать, тогда его обдумывать... и, обдумавши и пустивши в ход, опять отвлекать от него внимание...

Осуечение составляют не дела, а образ совершения их. Когда одно дело делается, а сотни толпятся в голове... Надо те все прогнать, а одно делать, и притом руками делать, а умом быть в своем месте. Всяко сему учиться надо, и, кажется, можно научиться.

Нужды и заботы, которые разорительны для духовного строя, можно подсечь преданием себя в волю Божию; отделив суетность, можно поминутно творить волю Божию

Нужды и заботы действительно разорительны для духовного строя; но сию разрушительную их силу можно подсечь преданием себя в волю Божию. Это не то значит, что, сложив руки, сиди и жди, что Бог даст, но – придумывай способы и употребляй их в дело, успех же всего предоставь Божию устроению, не предрешая и не строя воздушных замков и стоя в готовности принять благодушно, что Богу угодно будет послать. Попечение иметь должно, а кручиниться и томить сердце до раздирания его – грех: ибо тут нет веры, и упования, и покорности Богу.

Дела службы не суетность; это Божии дела. Только делайте их всегда для Бога, а не для чего другого. Равно и по семейной жизни на вас лежит долг... Исполнять его не есть суетность. Только совершайте такие дела по сознанию, что волю Божию исполняете. Суетность – дела по удовлетворению страстей, также ненужные и безполезные. Расчислите и отделите в жизни своей суетность от несуетности – и увидите, что и среди них можно поминутно волю Божию творить. Прибавьте: творить их во славу Божию. Вот и будете святой или святости ищущий.

Как относиться к гостям

N хорошо делала, что не отменяла своего правила и в гостях. Навыкнет молиться и всю жизнь будет успешно противостоять всяким искушениям. Эта неподвижность, несмотря на изменение внешней обстановки, в правилах молитвенных – великое сокровище для ревнующих о духовной жизни.

Вас гости рассеивали. Жалею вас. Но попробуйте принимать их как посланцев Божиих и заботу об их довольстве и удовольствии быть у вас, [так ведите – *изд.*], как бы лично Самому Господу служили, – и будете всегда с Господом. Можно навык приобресть: справлять все требуемое течением дел как службу Божию, ибо Бог везде и все видит и всякое обращение мысли к Нему не пропускает незамеченным.

Как обращать дела житейские и вещи на духовную пользу

...вы не помянули еще об одном, могущем отвлекать и действительно отвлекающем ум от Бога. Это то, что всякая вещь внешняя, действующая на чувства, обращает на себя внимание наше и покушается оторвать его от Бога. Но есть и здесь некоторый прием, при коем вещи видимые не отвлекать, а привлекать будут к Богу. Как же это? *Надобно вам все вещи, какие бывают у вас на глазах, перетолковать в духовном смысле*, и это перетолкование так набить в ум, чтобы, когда смотрите на какую вещь, глаз видел вещь чувственную, а ум созерцал истину духовную. Например, видите вы пятна на белом платье и чувствуете, как неприятно и жалко это встретить. Перетолкуйте это на то, как жалко и неприятно должно быть Господу, Ангелам и святым видеть пятна греховные на душе нашей, убеленной созданием по образу Божию, возрождением в купели Крещения или омытием в слезах Покаяния. Слышите вы, что малые дети, оставшись одни, поднимают беготню, шум и гам. Перетолкуйте это на то, какой поднимается шум и гам в душе нашей, когда отходят от нее внимание к Богу со страхом Божиим. Обоняете вы запах розы или другой какой – и вам приятно, но, попав на течение дурного запаха, вы отвращаетесь и зажимаете нос. Перетолкуйте это так: всякая душа издает свой запах[1]: добрая – хороший, страстная – дурной. Ангелы Божии и святые, а нередко и земные праведники обоняют сей запах и о хорошем радуются, о дурном же скорбят. Это я говорю вам только для примера, а всякая вещь разные может порождать духовные мысли, у одного – одни, у другого – другие. Как найдете более для себя пригожим, так и перетолкуйте все, вас окружающее и могущее встретиться кроме того. Начинайте с дома и перетолкуйте все в нем: самый дом, стены, кровлю, фундамент, окна, печи, столы, зеркала, стулья и прочие вещи. Перейдите к жильцам и перетолкуйте – родителей, детей, братьев и сестер, родных, слуг, приезжих и проч. Перетолкуйте и обычное течение жизни – вставание, здорованье, обед, работы, отлучки, возвращения, чаепитие, угощения, пение, день, ночь, сон и прочее, и прочее. В пособие себе возьмите опять же святителя Тихона [Задонского]. У него целых четыре книги таких перетолкований написано, под именем: *«Сокровище духовное, от мира собираемое»*. Возьмите и почитайте. Почитавши и видя, как он это делает, навыкнете и сами собою делать то же. А то и прямо усвояйте себе его перетолкования.

«Если, может быть, прочитание тех книг покажется слишком долгим делом, то у него есть и сокращенное всего перетолкование под заглавием: *«Случай и духовное от того рассуждение»* (Т. 2). Тут он перетолковал 176 случаев, всякий – коротко. И вам небольшого будет стоить труда пересмотреть их со вниманием, между тем они обнимают все, что вам занадобится перетолковать. Впрочем, как знаете, только непременно сделайте так, как вам предлагается.

Когда это сделаете, то всякая вещь будет для вас что книга святая или что статья в книге. Тогда и всякая вещь будет приводить вас к мысли о Боге, как и всякое занятие и дело. И будете вы ходить среди чув-

[1] Апостол говорит: «Мы благоухание Христово» (2 Кор. 2,15).

ственного мира, как в области духовной. Все вам будет говорить о Боге и поддерживать ваше внимание к Нему. Если всякий раз вы будете прилагать к сему напоминанию страх Божий и благоговеинство пред Его величием, то каких вам еще нужно учителей и вразумителей?!

Но, конечно, нужны труд и напряжение, как умовое, так и сердечное. И не жалейте себя. Пожалеете себя – сгубите себя. Не пожалеете – спасете. Отбросьте вы то неправое действование, какое часто нападает, и едва ли не на всех, – что на всякое дело мы не жалеем труда, а на дело спасения жалеем его. Думается нам, что тут стоит только подумать и захотеть – и все готово. А на деле не так бывает. Дело спасения – первое дело. Стало быть, и труднейшее. По важности дела и труд.

Трудитесь же, Господа ради! Вот-вот и плод увидите. А не станете трудиться – останетесь ни при чем и будете никуда не гожая. Избави вас, Господи, от сего!

Дела житейские в существе - не земного свойства

Спрашиваете: не погрешаете ли, продолжая нести иго начальствования? Нет. Вы обязаны нести его, пока начальство скажет: довольно. Как оно не только не сказывает этого, а, напротив, налагает на вас новое дело, зная ваши немощи телесные, то вам совсем не след и на ум принимать вопроса: не следует ли оставить труды?

...внутреннему деланию цены нет, и ему ничто не должно быть предпочитаемо; но и ради его оставить лежащие и налагаемые на вас труды можно бы в таком случае, когда бы труды сии мешали ему и разоряли его. А этого сказать нельзя. У вас теплится непрестанно молитва ко Господу. Не мешали же ей образоваться текущие дела? Надо полагать, что не помешают они, если прибавится к ним малая толика. Дела эти только на вид житейские, а в существе они неземного свойства. Потому, трудясь над ними, кажется, можно не быть отдаляему от Господа. К тому же пребывание души с Господом, в чем все существо внутреннего делания, не от нас зависит. Господь посещает душу, она и бывает с Ним, и играет пред Ним, и согревается Им. Как отойдет Господь, душа пустеет, и совсем не в ее власти воротить к себе Благого Посетителя душ. Но отходит Господь, пытая душу; а бывает, что отходит, наказывая не за внешние дела, а за что-нибудь, душой внутри принятое. Когда отходит Господь, пытая душу, то, когда она закричит, Он скоро ворочается. А когда отходит, наказывая, то – не скоро, пока не сознает душа греха, и не раскается, и не оплачет, и епитимий не понесет. Теперь, если вы оставите дело и тем пойдете против воли Господа, думаете ли, что Он останется с душой вашей? Если это будет грех пред Ним и Он прогневится, то отойдет и не воротится. **И будет, что сделанное во благо внутреннего делания, обратится во вред ему и даже на совершенное его уничтожение.** Так, по-моему, лучше тяните иго, пока хозяин против воли вашей не выпряжет.

Как вести себя при неприятностях с другими

Наука проста, но трудно заучиваема. Именно в случаях неприятных, породивших неприятные против других чувства, не следует ни говорить, ни действовать. Надо наперед успокоиться и совершенно исторгнуть из сердца неприятность, чтобы и следа ее не было. Больше ничего не требуется. Тогда и речь и дело пойдет ладно. Можно тогда и сурово, и строго говорить, даже бранчиво, и речь не произведет худого действия; ибо дух в ней будет не раздражительный, а мирный и любовный. Извольте теперь из того случая взять себе урок. Сядьте и осмотрите, что бы следовало вам подумать, чтоб изгладить неприятное чувство... и вперед по сему действуйте.

Вы о тех отцах думаете худо. Это источник неприятных к ним чувств. Научитесь думать о них хорошо и возбудите в себе почтительные к ним чувства. Непременно сделайте это, доведите себя до такого к ним чувства, какое имеете к какому-либо уважаемому лицу, и сие чувство храните... и с ним ходите. Тогда никаких неприятностей не будет. Так ведь и должно вам быть расположенным. Какое вам дело до их поведения?! Начальство есть – и почитайте.

Святые отцы о заботах и попечениях

Оттого многое в общественных и частных делах идет у нас не по нашему желанию, что мы заботимся не о духовном прежде всего, а потом о житейском, но извратили порядок.

Насколько Бог выше мира, настолько забота о Нем лучше мирской.

Не жизнь для пищи, но пища для жизни дарована от начала, а мы как будто для ядения пришли в мир, так все проживаем на это.

Святитель Иоанн Златоуст

Кто желает и заботится, чтобы одежда или обувь шла ему, с целью понравиться людям, тот, очевидно, страдает человекоугодием, удаляется от Бога и в самых малоценных вещах выказывает недуг суетности.

Люди, сильно предавшиеся житейским попечениям, подобны откормленным птицам: напрасно имея крылья, они не могут оторваться от земли.

Святитель Василий Великий

Если бы мы имели попечение о небесном, то не заботились бы столь о земном. Если бы мы помышляли о нетленном, то не были бы столь привязаны к тленному. Если бы мы возжелали вечного, то не любили бы так временного.

Преподобный Симеон Новый Богослов

«Подлинно, человек ходит подобно призраку; напрасно он суетится» – говорит пророк (Пс. 38, 7). Во-

истину всуе мятется всякий человек живущий, ища покоя в вещах земных и тленных; никогда он не найдет его. Поэтому Господь милуя и щадя Своё создание, предузрев лучшее о нас, умышленно сократил эту жизнь нашу, чтобы не долго мы всуе трудились и безсмысленно заботились о мимотекущих вещах; как и Сам Господь сказал Марфе, много пекущейся: «Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же (немногозаботливая) избрала благую часть (Господа), которая не отнимется у нее» вовеки (Лк. 10, 41-42). Показывает Господь, что поскольку всуе мятется человек, он собирает сокровища, но не знает кому. Итак, нет ничего в этом мире постоянного, ни в единой вещи нет покоя и тишины, только непрестанный мятеж и великое томление для души. Только в Боге едином и в благодати Духа Пресвятого – мир, тишина и вечный покой...

Святитель Димитрий Ростовский

Что может быть безопаснее и выше, чем иметь лишь одну заботу о том, как угождать Богу? (1Фес. 4, 1).

Господь, когда видит благомыслящую душу, не много заботящуюся о настоящем, являет о ней великое промышление.

Если мы сами заботимся об имуществе, Бог удаляется от промышления о нем, а если все возложим на Его попечение, Он и наше имение устроит во всякой безопасности...

Святитель Иоанн Златоуст

БЕРЕГИТЕ ВЕРУ ПРАВОСЛАВНУЮ

Братие христиане православные, берегите свою веру паче злата и сребра и храните ее, как зеницу ока. Ничто земное не достойно быть ее заменою. Очень худо поступают те из вас, которые, живя между полуверцами, иноверцами и неверами, увлекаются их примером и соблазном и, не дорожа почти нисколько своим званием православных, поступают в жизни и делах в ином не лучше, а во многом даже хуже и безчестнее всякого еретика, невера и язычника, забывая о том, что с православных взыщется гораздо строже на Страшном суде Христовом.

Что тогда нам пользы и хвалы в нашем православии, когда оно остается у нас только громким словом или именем без всяких доказательств или прав на звание? Мы будем тогда только гнусными самозванцами, которые называют себя таковыми, а на деле и в жизни являются другими.

Разве это христианин, и притом православный, который не знает, не уважает, да и знать и почитать не хочет ни креста в его правильном изображении, ни поста, никакого праздника?

Это ли христиане, которые, нагло попирая все уставы православной Церкви, накануне даже и великих праздников или постов позволяют себе без всякого стыда и совести не только срамные песни, безстыдные пляски, шумные, кощунственные беседы, блудные зрелища, различного рода игры азартные, не только объедение и пьянство до безумия, но и другие страшные и срамные дела.

Это ли христиане, и притом православные, которые и сами не знают, какой они веры и для чего они живут на свете, почему их называют христианами и почему православными, которые не знают никакой молитвы, не знают даже, кто такой Христос Спаситель, что такое Церковь и какие ее таинства и обряды, которые в полном смысле этого слова не умеют даже перекреститься, да и не знают, что такое крест и что он означает, которые по несколько лет сряду не бывали не только у исповеди и святого Причастия, но даже иногда иные и в храме Божием. И пусть бы это только «люди темные», как и сами они сознаются в этом откровенно, а то нередко все это можно встретить и между людьми просвещенными, только без сомнения светом не Христовым. Нет, это не христиане, чистые безбожники и в слове и в деле.

Итак, сознайте, православные христиане, свою слабость в делах веры и благочестия, свое нерадение об исполнения святых заповедей Божиих и уставов той Церкви Православной, которую, как матерь, мы так часто оскорбляем своим неповиновением. Затем перемените, по возможности, жизнь свою на новую, лучшую жизнь о Христе. Там, где увидите при этом свое безсилие, обратитесь с усердною молитвою к Богу. Просите Его с теплой верой и глубоким смирением о всем, что нужно и полезно вам, – просите и дано будет вам.

Верующему все возможно. Хотя не вдруг, а понемножку, постепенно приучитесь к исполнению Закона Божия во всех делах, словах и мыслях, и твердо соблюдайте все уставы Святой Церкви, приучая к тому же и ваших домочадцев, начиная с правильного изображения на себе крестного знамения, неуклонного исполнения всех домашних и общественных молитв, располагая себя и других к частому посещению храма Божия, к строгому соблюдению всех постов и уважению великих наших праздников церковных. Обративший грешника от пути заблуждения спасет и свою душу и его. Только при общем содействии и возможно поддерживать увядающую среди нас святую веру православную.

ПРОТОИЕРЕЙ И. ПОЛИСАДОВ
«ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ», №47, 1895 г.

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Беседа 6
Из воспоминаний духовных чад
(часть 2)

Воспоминания рабы Божией N

Впервые я увидела отца Виталия летом 1972 года. Душа моя необъяснимо затрепетала и возрадовалась духовно, как бы чувствуя перед собой ангела Божия. Никогда не видя и не слыша о нем, я просто, с доверчивостью, подошла к нему, сложив руки, как для принятия иерейского благословения, хотя священником отец Виталий в то время еще нее был. Он, благословив меня, в свою очередь сложил крестообразно ладошки и произнес: «Теперь ты благослови меня». Я очень смутилась, но он кротко и настойчиво повторил просьбу, и я, боясь ослушаться, дрожащей рукой перекрестила его. Батюшка, видя мое смущение, тихо сказал: «Не волнуйся, сестра Л., пойдем за алтарь храма и побеседуем». Я, слыша свое имя на устах незнакомого старца, еще больше затрепетала и в то же время душа торжественно ликовала. Эти неизгладимые, неповторимые минуты духовной радости никогда не забываются, оставаясь на всю жизнь благодарной памятью о встрече с великим старцем. Чувствую, что ни сказать словами, ни описать пером нельзя того благодатного состояния, которое испытывала, общаясь с ним.

Я села на травку. Он присел на корточки, кроша булочку птичкам, и стал тихо спрашивать: «Почему ты, не зная меня, так доверчиво подошла? Надо быть осторожней, ведь бывают монахи в прелести и всякие больные, вот как я, – при этих словах он открыл полу подрясника, под которым был надет полосатый костюм, в какие раньше одевали больных в стационаре. – Я же больной на голову». Я, поняв его смирение, ответила: «Меня это не смущает. Я чувствую какое-то неземное состояние, находясь вблизи Вас. Душа так и тянется, льнет к Вам». Тогда он стал наставлять, как спасаться, молиться, рассказывал, как жил в горах Кавказа: «Эти горы, – говорит, – находятся недалеко от Сухуми. А до того места, где мы жили, надо было идти очень далеко. Да не как здесь – по равнине, а в гору, потом вниз по скалам, часто по отвесным, где тропочка такая, что можно стать только одной ногой. С одной стороны пропасть, а с другой – отвесная стена горы. И воду по пути приходилось переходить…

Один раз пошел по послушанию в город за продуктами. Иду обратно – с одной стороны каменная стена

горы, с другой пропасть. Иду по узенькой тропочке, держась за скалистую стену. Вдруг вижу: навстречу идет медведь. И нам не разойтись: назад не повернешь, а впереди он надвигается. Я подхожу с молитвой, смотрю на него и говорю: «Дорогой, молитвами старца моего, уступи мне дорожку, дай пройти к нему». Медведь осторожно повернулся мордой к стене горы, стал на цыпочки – на кончики когтей задних лап, а передними лапами вцепился в скалу выше своей головы, давая мне проход между собою и скалой. Я потихонечку прошел, чтобы не коснуться его и не толкнуть. Потом оглянулся назад, смотрю: медведь осторожно принял прежнее положение и продолжил свой путь. А я, молитвами своего старца, пошел своей дорогой и добрался до жилища… Так и ты, сестра Л., в затруднительных случаях призывай молитвы старца своего и духовного отца». После я всегда призывала в помощь молитвы отца Виталия, и Господь никогда не оставлял.

Еще Батюшка рассказывал: «Был у нас в горах огород, и повадился туда медведь лакомиться нашей кукурузой, которую мы сеяли для пропитания. Только мы выйдем его прогнать – тут же убегает, а в кустах к нему уже не подходи – рычит. Видно чувствует, что на огородах он – воришка, а в кустах – уже на своей территории. Потом мы три раза обошли огород с молитвой и с тех пор медведи туда больше не наведывались…

Живя в горах, приходилось помогать матушкам-пустынницам: то построить им келейку, то подремонтировать ее. А один раз случилось помочь в погребении. Однажды шли мы вшестером из города – с храма. Было нас 4 брата и 2 сестры. Шли по горам, по лесу, миновали обрыв – еле его переползли, помогая друг другу. Была осень, дождь, и одна сестра от тяжести трудного пути занемогла. Три других брата, не зная об этом, ушли вперед, а мне со здоровой сестрой пришлось помогать заболевшей. К утру она скончалась. Надо было как-то ее похоронить, а у нас не было ни лопаты, ничего острого, чтобы выкопать могилу. Поискав, нашли острый обрубок бревнышка, стали выковыривать камни с землей и к вечеру с трудом сделали углубление с полметра. Положив туда с молитвой тело усопшей, мы погребли его. Сестра неподалеку увидела пещерку, в которой и осталась жить, а я пошел в свое жилище».

В другой раз мне пришлось общаться с отцом Виталием 2 недели. Мы вместе с ним ехали на машине, и я всю дорогу молилась – в присутствии батюшки или после общения с ним шла горячая молитва из глубины души. Приехали – он и говорит: «Вот молилась одна сестра дорогой, а Ангелы нам сопутствовали. Вот чудо!» Без сомнения, молитва была у всех ехавших с ним, а у Батюшки наипаче, но он подчеркивал какое великое дело – молитва. Из всего извлекал он нам урок.

Мы на приходе, делая свечи, накручивали фитильки. Я выронила свою сторону, а через несколько минут он тоже выронил свою, сказав, что осудил меня и сам впал в то же – так он учил не осуждать.

Ел он очень мало, часто смешивая все вместе: первое, второе и третье. Или вместо сахара насыпая соль в обильном количестве.

Как-то он меня предупредил, чтобы я спрашивала у него, что мне будет непонятно в его действиях. Однажды за столом он взял у одной рабы Божией кашу, посыпал солью чуть ли не пополам, а свою с сахаром поставил ей. Потом, собрав у нее шкурки от арбузов, все съел. Она заплакала, прося у него прощения. Потом я спросила о его поступке, а он ответил, что, живя в большой семье, та раба Божия выбирает себе все самое лучшее и большее и ест тайно позже.

Как-то Батюшка, благословив меня четками, просил с этого момента называть его братом. Обычно я называла его «батюшка» или «отец Виталий». Я ужаснулась такой просьбе и думаю: «Кто я, что такого светильника называть буду братом?!» Он снова повторил свою просьбу – я ответила, что не могу. А когда и в 3-й раз я отказалась, он мне сказал: «Многое я должен был тебе поведать, что открыл мне Господь, а теперь ты все закрыла». Как я до сих пор раскаиваюсь за свое безумно-скромное ослушание!

Жил отец Виталий у одного батюшки в гостях. Когда тот собирался отлучиться куда-то на три дня, отец Виталий спрашивает: «Я всем могу пользоваться?» Тот отвечает: «Да, отче, все твое». Когда хозяин вернулся, то увидел совершенно голые стены и полы: отец Виталий все разослал бедным и неимущим.

Когда только можно, мы собирались около Батюшки, и он сразу старался нас утешить, наставить. Сядет на пол, а мы вокруг него, как цыплята около матери. Говорил он часто прикровенно, но, кого это касалось, понимали и благодарили или просили прощения. Раз ночь напролет просидели мы около него, наслаждаясь благодатными речами, а думали, что прошло час-полтора, и на следующий день не чувствовали усталости.

Духовным чадом отца Виталия я не считалась, но руководствовалась и имела поддержку в недоуменных вопросах только от него. Он часто писал мне письма, которые состояли из выдержек, поучений или стихотворений, напечатанных кем-то по его благословению. Внизу он дописывал своей рукой, чего недоставало. И всегда эти письма приходили как раз в нужный момент: если была какая-то скорбь – они облегчали или совсем снимали тягость, если было что-то неразрешимо – сразу разрешалось. Как отрадно было, когда вскроешь конверт, а там драгоценные необходимо-нужные слова! Передать нельзя того восторга, когда со слезами и трепетом лобызаешь золотые строки от дорогого отца Виталия!

> *Надо бы молчать, трудиться, заниматься Иисусовой молитвой, никого не осуждать, любить, прощать, тогда и помощь Божия будет.*
>
> *Из наставлений схиархимандрита Виталия*

Когда приходилось приезжать в Тбилиси на Московский проспект, там всегда находилось очень много его духовных чад, но никогда не чувствовалось, что я не его чадо: также духовно обогреет, утешит, даст гостинцев в благословение.

Наставлял: «Помни всегда Господа, имей память смертную и страдания Христа. Поясочек подпоясывай так, чтоб узелок был на правом боку: Господа прободали в ребро справа, и два свисающие конца пояса символизируют две струи Крови из Пречистого Ребра Его. Этим, т.е. когда завязываешь пояс, помни Его муки и страдания.

Правило можно читать по четкам. А если нет возможности четок держать (когда работаешь, готовишь), то засеки, сколько времени уходит на утреннее и вечернее правило – столько времени и читай молитву. Лучше вслух, если одна. Вообще старайся непрестанно молиться».

Батюшка раздавал множество четок – и все были вязанные, с аминьчиками, сделанными из косточек, росших на Кавказе. Он говорил: «Это слезки Божией Матери. Вот смотри, – а сам делал поклон, и эти косточки, соприкасаясь с полом, издавали звук падающей капли. – Вот так Божия Матерь плачет о нас, теряя слезки».

Еще Батюшка поучал: «Тем, что тебе говорят старцы, не хвались, а прячь и складывай в кладовку. А когда нагрянут скорби, то вытащи из кладовки, что тебе надо для поддержки духовной, и облегчишь этим свой крест. Только зря не расточай бисер.

Будьте внимательны, чтобы не попирать крест. Вот сейчас делают ковры с крестами, стелят их на пол и ходят по ним, и на подошвах обуви делают кресты – это страшный грех, попирается Крест. Такую обувь носить нельзя.

Не смейте работать в праздники и воскресные дни: страшно оскорбляем Господа. Даже письма писать нельзя. И в храме тем более работать не надо: ни стройки делать, ни ремонта, иначе и храм рассыплется, и настоятель останется без службы. Я часто говорю, чтобы не работали по праздникам в храме – не слушают».

Отец Виталий часто просил: «Дай мне леща», – значит, ударь по щеке. И приходилось наблюдать, что частенько с ним грубо разговаривали, и даже били по щекам... Страшно и неприятно было смотреть, а он с улыбкой и удовольствием все это принимал.

Входя в дом (если откуда-то приезжали), Батюшка Виталий и матушка Мария читали «Достойно есть» и, выходя, также молились.

Отец Виталий постоянно имел с собой в мешочке на груди под верхней одеждой икону Божией Матери. Богородица была изображена без Младенца Господа, называли Ее «Скоропослушница». Чувствовалось, что икона чудотворная, от нее исходила неописуемая волна благодати. Входя в дом, Батюшка молился, снимал верхнюю одежду и икону, благословлял ею на четыре стороны, все к ней прикладывались, и он ставил икону в святом углу.

За четыре года до моего переезда к духовному отцу отец Виталий, обращаясь к нему, спрашивает: «Это твоя псаломщица?» Тот отвечает: «Нет, она служит в городе». А отец Виталий утверждает: «Твоя, твоя».

Когда я переезжала в Воронежскую область, отец Виталий вызвал меня телеграммой к себе и не благословил переезд. Я не знала, что делать: духовный отец непреклонно благословил к нему переходить, а отец Виталий – нет. Я была в растерянности. Про благословение отца Виталия духовному отцу ничего не говорила, тянула время с переездом и очень скорбела. Спустя месяца три отец Виталий снова вызвал меня и дал 15 носовых платков, говоря: «Ладно, слушай батюшку – переходи к нему. А это возьми: будешь слезы собирать». Я спросила: «Я делаю против Вашего благословения?» Он отвечает: «Нет, но так надо». И, действительно, пока я в том месте пожила, немало слез пролила – все платки измочила.

Потом мне снова пришлось переехать с Воронежской области, но уже с родителями и с благословения Батюшки Виталия.

Моей маме он писал постоянно (я ему немножко рассказывала про нее), но друг с другом они никогда не встречались. Перед переездом отец Виталий ей написал: «Поезжай, Пелагея, на малое время. Вскорости мы встретимся – пойдешь следом за мной». Так и получилось: отец Виталий скончался 1 декабря 1992 г., а мама неожиданно умерла 18 февраля 1993 г., поболев всего 18 дней.

Из воспоминаний рабы Божией Пелагии

В 1972 году у меня утонул муж. Осталось двое маленьких деток: девочке тогда было пять с половиной лет, а мальчику год и три месяца. Я упала духом, день и ночь кричала и голосила. Думаю: «Пропаду я теперь со своими детками!» К коровке своей подойду, за голову ее обниму и причитаю: «Потеряли мы своего кормильца!»

Прошло девять дней. Надо было поминать мужа. Ночью мы с матушками молились за него, а утром приехал в наше село к одной монахине отец Виталий и спрашивает: «У вас здесь есть нуждающиеся в помощи?» Она отвечает: «Есть. Вот у такой-то муж утонул», – и называет меня. Батюшка попросил ее, чтобы она показала, где находится наш дом. А я в тот день деток к соседке отвела и поехала хлопотать, чтобы нам дали пенсию о потере кормильца.

Возвращаюсь домой и вижу: мои гуси что-то кучкой столпились и кричат. Соседка говорит: «У тебя гости». А я не расслышала: показалось не «гости», а «гуси». Говорю: «Да надоели уже». Подхожу к гусям и вижу: сидит среди них на корточках Батюшка Виталий и держит разломанную буханку хлеба – кормит их. Я оробела, растерялась. Не знала, что делать: чувствую, что здороваться по-мирски со священником вроде бы не положено. Я тогда в церковь ходила раз в год – причащаться, и что у Батюшки надо было взять благословение, я тогда не знала. А он поднялся на ноги, перекрестил меня и дал поцеловать свою руку. Затем взял мою грешную руку, перекрестил себя моей рукой и поцеловал ее! Потом сказал: «Пойдем в дом». Зашли мы с ним, а он говорит: «Я тебе гостинчика принес. Я его в сарайчике оставил, только ты никому не говори. И дай мне свой адрес – я тебе буду посылочки присылать»…

Поговорили мы с ним. А когда я его проводила, пошла в сарай и нашла там два узла: один с гостинцами, а другой с одеждой для деток, распашонками, пеленками – он, наверное, знал, кому эти узлы готовил, когда собирался в Бурдино. Я плакала от радости: откуда этот Ангел явился?! Я потеряла семьянина, а обрела Ангела.

С тех пор Батюшка стал мне денежки на пропитание присылать, посылочки, письма с иконочками, праздничные поздравления. Когда я выхлопотала пенсию на деток, то написала Батюшке письмо, поблагодарила его за помощь и пояснила, что деньги у нас теперь будут. Я поняла, что он нуждающимся помогает. Письма же с иконками Батюшка высылал нам до самой смерти.

Однажды (это было в 90-м году) присылает мне Батюшка иконку Казанской Матери Божией и письмо, да такое трогательное: «Мужайся. Крепись. Матерь Божия тебя не оставит. Без воли Божией ничего не бывает. Матерь Божия в скорбях помогает», – он подготавливал меня к скорби. Моему сыну в том году исполнилось 19 лет, он служил в армии. И вдруг я получаю письмо из воинской части: «Ваш сын попал в аварию. Ампутирована левая нога». Батюшка знал, что я буду нуждаться в помощи, он был духом со мной, своими молитвами подкреплял меня – это чувствовалось.

А вскоре после того, как привезли сына с армии, я ослепла. Батюшка Виталий к тому времени уже умер. Постом меня прооперировали, зрение мне, слава Богу, возвратили, но читать было нельзя. А тут в нашем селе умерла церковная уборщица. Но так как она всегда монашечек обижала, то они не пошли по ней читать, а сначала все отказались. Приходит ее дочь и с порога кидается ко мне на шею, кричит: «Не оставь! Все отказались!» А она очень полная – я думала она меня повалит. Что делать? Читать мне нельзя, а отказаться совести не хватило. Сказала ей, что приду. Она ушла – я зашла домой, стала на колени и плачу: «Отченька Виталий, помолись обо мне! Помоги: все зрячие отказались, а мне читать нельзя, я не знаю, что со мной после этого будет». Поплакала так, взяла Псалтирь и пошла. Прихожу к покойной, а все наши матушки уже там. Я удивляюсь: «Как же так? Ведь ее дочь сказала, что вы отказались!» А они все как один отвечают: «Что-то после не по себе стало». И тут я не обошлась без помощи отца Виталия. Все по его святым молитвам.

Ничего нет сложного, если будешь любить людей, искренне будешь стараться им помочь. Тогда тебе будет очень легко жить.

Из наставлений схиархимандрита Виталия

Воспоминания игумена Иакова

Я познакомился с отцом Виталием в начале 80-х годов.

Впервые нам пришлось услышать о нем в Сухуми, куда я с 1981 года ежегодно приезжал. Мы ходили к старцам в горы и познакомились там со схим. Василием, который в конце 50-х оказался вместе с отцом Виталием в горах за Амткельским озером.

Когда мы приносили пустынникам продукты и пожертвования, то ночевали у них, и нам рассказывали, что «это то самое пальто, которым укрывался сам отец Виталий». Нам было очень приятно, и мы надеялись, что придет такое время, когда в Тбилиси (где, мы знали, он находится) нам удастся, наконец, его увидеть.

И Господь устроил, что мой брат, который теперь стал, как и я, священником, познакомился с отцом Виталием – он увидел его в храме Александра Невского, когда Батюшка зашел и как Ангел Божий с любовью начал подходить и прикладываться к иконам. Когда брат к нему подошел, отец Виталий благословил его (мы тогда еще были мирянами), облобызал и надарил очень красивых шоколадных конфет. Он как бы передал брату необычайную радость, которой тот потом несколько дней со мной делился.

Через некоторое время и я сподобился увидеть Батюшку. Он тогда приехал в собор Александра Невского на празднование дня Ангела Владыки Зиновия. По новому стилю оно выпадало на 11 ноября (свщмч. Зиновия). Владыка тогда был сильно болен и, к сожалению, не смог принять участия в богослужении. Но после, выйдя из своей маленькой кельи, в которой он жил по великому смирению (не желая занимать покои, соответствующие его высокому сану), он кротко попросил, чтобы к нему пригласили народ – он хотел всех благословить. И около него я увидел отца Виталия, который, склонив голову к своим плечам, стоял рядом с митрополитом неподвижно, как настоящий, истинный послушник. Эта картина запомнилась мне на всю жизнь и теперь при воспоминании о ней часто вызывает умиление.

Святейший Патриарх всея Грузии Илия и схиархимандрит Виталий (кадр из фильма)

Расскажу еще несколько случаев, которые мне особенно запомнились. Иногда, когда Батюшка выходил поисповедать кого-то из своих чад, он брал крест с престола. Настоятель, увидев это, часто раздражался и делал ему резкие, даже грубые замечания. Казалось, как же можно к такому старцу так обращаться?! Но Батюшка, склонив голову, всегда говорил: «Простите. Простите».

В моей жизни сложились определенные обстоятельства, и встал вопрос о том, чтобы отец Виталий совершил надо мной постриг. Но Батюшка отличался таким свойством, что никогда не брал на себя право без благословения вмешиваться в судьбу другого человека, не испросив прежде на это воли Божией, и по смирению посылал к Святейшему. Так произошло и в моем случае: отец Виталий направил меня к Патриарху Илии. Патриарх же благословил в один горный монастырь, где я и жил некоторое время.

Но с Батюшкой мы все же иногда встречались, когда игумен обители отпускал нас в Тбилиси немножко послушать свое русское богослужение, потому что в нашем монастыре служба велась на грузинском языке. Тогда мы отправлялись в Александро-Невский собор, где нередко можно было увидеть Батюшку и порадоваться общению с ним.

В один из таких дней отец Виталий как-то рассказал нам, что когда он жил по благословению Патриарха в лесу, там не было возможности причаститься, но ради того, чтобы не нарушить благословения, он целый год сидел в лесу и был без причастия, таким образом смиряя себя. Он был примером того, что можно назвать совершенным или, как говорят на Востоке, «слепым» послушанием, когда полностью отсекается своя воля.

Вспоминается и другой случай, произошедший в конце 80-х годов, когда уже открылись монастыри тех древних отцов, которых Сама Пресвятая Богородица в VI веке привела из Сирии – знаменитого Иоанна (Сидознийского) и двенадцати его учеников. В один из этих монастырей, находившийся в 12-ти километрах от древней столицы Мцхета в красивом, напоминающем монастыри древнего Востока месте, приезжал служить Святейший Патриарх и Католикос всея Грузии Илия. И Батюшка потом

Святейший Патриарх и Католикос всея Грузии Илия

рассказал, что он на литургии видел, как облако спустилось на Святейшего и пребывало с ним во время всей Божественной Литургии. «Это, – сказал Батюшка, – Господь посетил его за то смирение, какое имеет Святейший Патриарх».

Еще вспоминается случай, который говорит о том, как Батюшка старался подавить в себе всякое человеческое желание, какого может требовать человек, как создание Божие. Когда он по благословению Святейшего жил в одной грузинской семье, ему приходилось проходить через залу, в которой жили хозяева и их гости. Бывало, что там курили. Но Батюшка с тем, чтобы себя смирить, никогда внутренне не принимал помысел осуждения или недовольства. Он рассказывал нам, что говорил себе в таком случае: «Здесь курят как бы Господу ладан».

Нам приходилось нечасто общаться с Батюшкой – мы старались его не безпокоить. Но всегда радовались, видя его, когда он нередко, бывало, служил раннюю литургию.

Потом Господь так устроил, что я уехал из монастыря. А после услышал, что в 1992 году Батюшка скончался и что кончина его была преподобная. Мы надеемся, что обрели еще одного молитвенника у Господня Престола, человека, который вошел в меру Отцов и сподобился дерзновения пред Богом. Я всегда с любовью поминаю его на каждой Божественной литургии, надеясь, что и Батюшка по любви своей к нам не оставит и нас, грешных и недостойных, своими святыми молитвами.

Христианам о христианстве

из бесед с Кавказским пустынником

ОБ УНЫНИИ

(часть 1)

Вопрос: По какой причине происходит у человека духовное охлаждение к молитве, к духовному деланию – наступает расслабление и безучастие, ничего не хочется делать?

Ответ: Как говорит Феофан Затворник, бывает два рода охлаждения. Во-первых, бывает охлаждение воспитательное. В этом случае человек просто проходит духовное «обучение» по ступеням духовного возрастания – Господь дает такому человеку урок, чтобы он проявил свою свободную волю в исполнении духовного делания, которому он перед этим обучался теоретически, читая святоотеческие книги.

А другое расслабление и охлаждение бывает наказательное – тогда, когда человек по лености и нерадению свои теоретические познания не воплощает в жизнь и потому впадает в охлаждение, или же тогда, когда кого-то осудит или надмится своим деланием. В этом случае от согрешившего в какой-то степени отступает благодать Святого Духа, и человек познает свою немощь: какой он есть на самом деле. Если он думал, что он хороший, что он подвижник, что он делатель, что он преуспевает, и высоко уже поднялся, то тут вдруг видит, что он и нищ, и слеп, и наг, и беден (ср. Откр. 3, 17). И что одолевает его холодность к Богу, и леность, и нерадение к духовным деланиям, как и прочих людей, которых он осуждал и над которыми превозносился.

А, следовательно, исходя из этого понятия (что существуют два рода охлаждения), мы должны делать себе выводы. Во-первых, нужно помолиться: «Господи, за что это попущено мне? Или за какой-то грех? Или для того, чтобы я проявил пред Тобою свое усердие и на деле показал, с каким старанием я буду проявлять образ жизни такой, какой угоден Тебе, а не такой, какой угоден моей плоти, моему самолюбию и прочим страстям?» И из этого уже понуждать себя на трудничество: бороться со своими страстями, каяться в том, в чем согрешили и, смирившись до зела и испросив Божией помощи, стараться все-таки (несмотря на расслабление) упражняться в тех деланиях, в которых мы должны упражняться. У каждого они свои: кому-то не хочется заниматься молитвою, кому-то не хочется исполнять послушание, а третьим не хочется поступать по заповедям, например, хочется отомстить – у каждого бывают свои особенности.

Вопрос: В наше время уныние – наиболее часто встречающееся состояние (в разных степенях у каждого). Насколько оно связано с духовным охлаждением? Как поступать в этом состоянии?

Ответ: Действительно, уныние развивается из охлаждения. Сначала человек теряет духовную ревность. А потом, если он не борется с этим охлаждением, не кается, не ищет причину, то впадает в уныние.

Бывают и другие причины. Одна из них – когда человек еще не вступил в самостоятельную борьбу с самим собой, со своими страстями. В этом случае он не имеет еще духовного образа мыслей и смотрит на жизнь просто «по-человечески», т.е. плотскими очами. Смотрит и ничего не понимает. И впадает из-за этого в уныние, расслабление, ропот, не зная, что ему делать.

Преподобный Марк Подвижник говорит так: «**Уклонившись от духовного образа мыслей, ощутишь страдание**». Т.е. наши страдания душевные (а уныние – один из образов этих страданий) возникают оттого, что мы **не заботимся о стяжании духовных понятий** – не смотрим на события своей жизни духовно. Ну, скажем, нас оскорбили. Мы сразу обижаемся, думаем: «Вот, я почитал его, как порядочного, а он смотри, что сделал!» А не думаем по-духовному, что «это Промысл Божий устроил так, что мне в этом мире нужно что-то потерпеть, кому-то что-то простить, чтобы простились мне мои многие грехи». И это всего лишь один пример. Подобным образом во многих других случаях нужно искать духовный смысл происходящего – тогда и охлаждение теряет силу, и уныние отступает. А если мы живем «как придется», «спустя рукава», «лишь бы день до вечера скоротать», тогда начинает томить нас охлаждение и уныние. Это на-

казательное уныние – нужно каяться и исправляться.

Духовно более зрелый человек может исследовать, по какой причине постигло его это уныние. А кто еще не имеет опыта, таковому просто нужно понять и запомнить то, что сказали Святые Отцы – за борьбу с унынием Господь дает самые большие венцы. Потому что человек в этом состоянии, действительно, проявляет свою верность и преданность Христу через **понуждение** себя на всякое богоугодное делание. Здесь совершается именно то, что сказал Господь: «Нуждницы восхищают Царствие Небесное».[1] Т.е. нам необходимо **понуждение** в борьбе со своими страстями (и, в частности, с унынием), сопротивление греховному нерадению и исполнение всего того богоугодного, что в расслабленном состоянии делать не хочется. И за эту борьбу – что человек понуждает себя – Господь дарует ему небесные венцы.

Вопрос: Но это понуждение пресекается помыслом, возникающим во время уныния: «Все, что бы ты ни делал, – безполезно, т.е. впустую».

[1] Ср. Мф. 11, 12: «От дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его».

Ответ: Это диавольский помысел, диавольская ложь. Что может быть проще, чем подать стакан холодной воды жаждущему человеку? Но и это не впустую.[2] А за то, что мы не внимаем евангельским словам, диавол так легко обольщает нас своими ложными мыслями.

Мы раньше уже касались этой темы на примере ящерицы, которая барахтается в банке с водой.[3] Посмотрел человек, что она в таком бедственном состоянии, пожалел ее и вытащил. Или на примере жука, который попал в стеклянную банку и не может вылезти из нее сам. Он бесполезно вроде бы пытается выбраться, его положение безнадежно, своим усилием он не может спастись. Но человек из жалости к нему простирает руку и избавляет его от этой беды. Тем паче спасает нас Господь. **Не мы сами возделываем свое спасение**, но Господь по Своему милосердию к нам изымает нас из всякой страсти, в том числе и из духа уныния, если мы проявляем (со своей стороны) деятельное сопротивление греху.

Фактически, в нашей жизни бывает то, что мы наблюдаем в природе: то солнечный день, то темная ночь. Солнечный день: когда нас осиявает благодать, душа радуется, играет, ликует, все кажется веселым, радостным, и все кругом – ангелы. А в другое время покрывает душу тьма и мрак. Человек ни на кого не хочет смотреть, никого не хочет видеть, ни с кем не хочет говорить. Только бы засунуть голову под подушку, и – «не троньте меня». Это ночь в духовной жизни. И чем усерднее мы с ней боремся, тем быстрее мы ее проходим.

Нужно понять, и просто знать, что такого, хотя бы кратковременного омрачения, никто не избегает – подобные испытания были у каждого Святого Отца. Потому что, как говорит преподобный Исаак Сирин, «кто идет без перемен, тот на волчьем пути», т.е. он попал в прелесть. Если его духовное состояние не изменяется, все время стабильно, без перемен, следовательно, он не на спасительном пути, а на пути заблуждения.

И потому нужно помнить слова апостола Павла, что «*любящим Бога все содействует ко благу*» (Рим. 8, 28). Даже в самые тягостные минуты Господь не отворачивается от нас (как нам это кажется) – в это время испытывается наша верность и преданность Господу. И Господь в такие минуты смотрит на нас наиболее внимательно – смотрит, насколько мы Ему верны: насколько свои желания предаем в Его волю и стараемся исполнить то, что Ему угодно. Не то, что угодно нашей плоти, нашему ветхому человеку, нашим прихотям, а то, что угодно Ему – как Он хочет, чтобы мы действовали в этом состоянии, в котором мы сейчас находимся.

[2] Ср. Мф. 10, 42: «И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей».

[3] Был у меня такой случай. Встретились мы как-то с одним монастырским духовником. Поприветствовали друг друга, сели в тени виноградной арки и начали беседовать.

Вдруг я замечаю, что метрах в двух-трех от нас, около стены, стоит литровая банка с водой, и туда попала ящерица. Плавает, барахтается, хочет вылезти, но не может. Духовник начал серьезный разговор, а я слушаю его и смотрю на эту ящерицу. Думаю: «Продолжать слушать его или пойти выпустить ящерицу? Нет, жалко. Бедная, сколько она там уже барахтается?» Вскакиваю и, ничего не говоря, бегу к этой ящерице. Конечно, надо было бы извиниться… Духовник такие удивленные глаза сделал, смотрит: «Что это, мол, с ним такое случилось, что он вскакивает и куда-то бежит?» Я беру банку, выливаю на газон воду, ящерица выскакивает, и – прыг! – побежала.

Я смотрю на реакцию этого иеромонаха. Что он подумал, конечно, не знаю. Но вижу – нужно объясниться хоть потом. Подхожу, говорю: «Знаете, я посмотрел на эту ящерицу и вспомнил себя. Я ведь, фактически, такой же. Как пришлось замечать: когда попадет жук в стеклянную банку и сидит там тихонько, то думаешь: "А!.. Он, наверно, уже сдох". И оставляешь без внимания. А когда этот жук барахтается, то думаешь: "Бедный, сколько он там уже барахтается! Он же не вылезет из этой стеклянной банки сам". Вынимаешь его, выпускаешь на свободу, и он бежит. Так, думаю, и я пред Богом: если я сижу, ничего не делаю в своем нерадении, то я – все равно как этот мертвый жук. А если я хоть что-то делаю, то Господь по милосердию Своему – не по моим делам, а по Своему милосердию, потому что я все-таки барахтаюсь – пожалеет и меня. Ведь если мне жалко жука, то, думаю, Господь пожалеет и меня, и изымет меня из "рова страстей и брения тины" (Пс. 39, 3)».

• святые земли липецкой

Священномученик Уар (Шмарин)

Священномученик Уар родился 11 октября 1880 года в селе Ново-Ситовка Тамбовской губернии в бедной крестьянской семье Алексея и Марфы Шмариных. У них было тринадцать детей, но до взрослого возраста дожили только Петр и его сестра. Отец умер рано, и Марфе Филатьевне одной пришлось растить и воспитывать детей. Петр с шести лет помогал матери по хозяйству.

В храме села Ново-Ситовка служил молодой священник. Настоятель стал присматриваться к сыну вдовы и, найдя мальчика не по возрасту развитым, посоветовал Марфе отдать его осенью в школу. При этом он взял все расходы по образованию мальчика на себя. Благодаря этому Петр успешно окончил четырехгодичную сельскую школу.

После батюшка призвал его к себе и сказал: «Петруша, если ты мне дашь слово, что ты будешь священником, я займусь твоим образованием. Я помогу тебе окончить гимназию и семинарию». Петр дал слово, и благодетельный пастырь, выступив усердным ходатаем за мальчика, определил его на казенный счет – сначала в гимназию в Тамбове, а затем в церковно-учительскую семинарию, находившуюся в селе Ново-Александровка Козловского уезда Тамбовской губернии.

По окончании семинарии Петр стал работать учителем. Чтобы исполнить данное священнику слово и быть рукоположенным в священнический сан, надо было сначала жениться, и он посватался к девице Клавдии, которая только что окончила гимназию. Они обвенчались, и вскоре вслед за этим, 21 марта 1904 года, он был рукоположен в сан диакона и направлен служить в Саратовскую епархию. Здесь у него родилось трое детей – две дочери, Мария и Клавдия, и сын Николай.

В феврале 1910 года священноначалие предложило диакону Петру отправиться для служения или в Америку, или в Финляндию. Он выбрал служение в Америке, но этому решению воспротивились его родственники. Отец Петр подчинился и сообщил церковному руководству, что готов ехать служить в Финляндию.

28 октября 1910 года диакон Петр был рукоположен в сан священника ко храму, расположенному на острове Манчинсаари (ныне Республика Карелия) на Ладожском озере.

Одаренный пастырь всю жизнь занимался самообразованием и собрал дома большую библиотеку. У него были обширные познания в об-

Епископ Уар. 1927 год

ласти медицины, и он никогда не обращался к помощи врачей. Своих детей лечил сам, за исключением случаев чрезвычайных, когда требовалось хирургическое вмешательство. К нему за медицинской помощью обращались крестьяне всех окрестных селений. Прихожане очень уважали и любили его, относились к нему как к народному пастырю.

Приход располагался неподалеку от Валаамского монастыря, и к нему часто приезжали монахи. Отец Петр был человеком открытым, общительным и с каждым мог найти общий язык. В его доме всегда кто-нибудь жил, и за стол никогда не садились одной только своей семьей, всегда были гости.

Дом принадлежал приходу; он был вместительным, и места хватало для всех. В то время, когда священник служил в Манчинсаари, у него родилось еще трое сыновей. Затем отца Петра перевели в храм неподалеку от Выборга.

Через некоторое время в Финляндию переехали родственники Клавдии: ее мать, сестра с мужем и брат, Николай Георгиевич, который стал директором гимназии в Выборге.

После революции Финляндия отделилась от России, и отец Петр с семьей и все их родственники выехали в Петроград. Из вещей взяли только самое необходимое для детей. Будущий священномученик отвез супругу с детьми в село Ново-Ситовка к своей матери, а сам остался в столице.

В 1918 году Клавдия заболела тифом. Болезнь развилась столь стремительно, что, несмотря на посланную в Петроград телеграмму о ее болезни, отец Петр добрался до Ново-Ситовки, когда супругу его уже похоронили. Горе усугублялось тем, что священник остался один с шестью сиротами, и нужно было решать, что делать с ними. В Петрограде был голод, и взять их к себе он не мог. Выручили родственники: пятерых детей взяла к себе в город Лебедянь бабушка Анна Иоанновна Стрельникова, а дочь Клавдию – родственники из Липецка.

В Лебедяни дети поселились у брата Анны Иоанновны, бывшего купца. До революции у него был большой каменный дом, магазины, и он вел довольно обширную торговлю. После революции часть дома и магазин отобрали, но у него еще оставалась в ту пору часть дома и при нем маленькая лавочка.

Вскоре к ним из Петрограда приехал и отец Петр. Ему дали приход в десяти километрах от Лебедяни, в селе Тютчево. В состав прихода также входили два больших селения – Куликово и Новодворское. Священ-

номученик снял для себя и семьи квартиру в доме вдовы священника, который служил до него на этом приходе. Прихожане подарили семье священника корову, стали помогать продуктами. Семья в это время могла считать себя вполне обеспеченной. Однако пришло время принять исповеднический крест. Начались гонения. Священника Петра несколько раз арестовывали, но аресты были кратковременными – подержат несколько дней и отпустят. Главной темой бесед при арестах было требование снять сан, на что священник всегда мужественно отвечал категоричным отказом.

В 1922 году образовался обновленческий раскол: обновленцы при поддержке властей стали захватывать храмы. Церковное управление было нарушено, многие приходы утратили связь с епархиальными архиереями, которые или были арестованы, или находились из-за препятствий, чинимых властями, на значительном расстоянии, лишенные права покидать город. Собравшиеся на съезд представители духовенства и мирян Лебедянского уезда Тамбовской епархии постановили уполномочить священника Петра Шмарина подать прошение Патриарху Тихону, касающееся этого вопроса.

В своем прошении Патриарху от 2 августа 1923 года отец Петр писал: «Духовенство и жители Лебедянского уезда, оставшиеся верными историческим религиозно-нравственным началам и укладу Православной Церкви, не имеют фактически своего законного епископа и чувствуют себя в духовном отношении в настоящее время крайне сиротливо. Они не знают, как и куда им обращаться в своих неотложных церковноприходских нуждах. Является крайняя необходимость в своем епископе, который объединил и вдохновил бы разрозненных пастырей и успокоил бы мятущихся пасомых. Но до разрешения этого вопроса в законном порядке следовало бы теперь же временно подчинить в каноническом отношении Лебедянскую Церковь Елецкому епископу Николаю (Никольскому)... Об изложенном почтительнейше прошу письменной резолюции Вашего Святейшества, каковая и послужит нам исходным руководящим началом в предстоящей громадной созидательной работе на благо Святой Православной Русской Церкви».

В ответе Патриарх благословил духовенству Лебедянского уезда временно по всем вопросам обращаться к епископу Козловскому Димитрию (Доброседову).

В 1924 году священник Петр был заключен в Лебедянскую тюрьму. На допросах сотрудники ОГПУ предлагали ему снять сан – это было самое главное для них. «У Вас большая семья, Вам будет очень трудно в новых условиях, – говорили они, – снимите сан. Вы человек высокообразованный, нам такие люди нужны. Мы строим сейчас новое государство, и нам нужны образованные люди. Мы Вам дадим хорошую, престижную работу, квартиру, обеспечим Вас всем, у Вас не будет никаких забот. Единственной помехой, чтобы все это Вы получили, является Ваш сан. Снимите его – и Вы все получите».

Епископ Уар. Священник Петр Шмарин с супругой Клавдией Георгиевной и детьми – Марией (в центре) и Николаем

На все эти уговоры отец Петр всегда и неизменно отвечал: «Того, чего вы от меня добиваетесь, – этого вы никогда не добьетесь. Уж я такой человек: во что верую – тому никогда не изменю, так что напрасны все ваши усилия». Столкнувшись с непреклонной волей исповедника, власти и на этот раз освободили его.

20 августа 1926 года священник Петр Шмарин, по предварительном пострижении в монашество с именем Уар, был хиротонисан во епископа Липецкого. Епархия в то время включала приходы Липецкого, Боринского, Нижне-Студенецкого, Краснинского, Лебедянского и Трубетчинского районов. Сначала он служил в городе Липецке, в Христо-Рождественском соборе, а после его закрытия в 1931 году – в Успенском храме. Епископ Уар стал непоколебимым оплотом Православия в Липецком крае и непримиримым борцом с обновленчеством.

В 1932 году власти арестовали сына епископа, священника Николая Шмарина. В тюрьме ему предложили снять с себя сан, но он отказался и был приговорен к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере в Сибири. Он писал оттуда, чтобы за него не безпокоились, его положение значительно лучше, чем у многих других, так как он работает не на общих работах, а счетоводом. Его семья в это время уехала в Борисоглебск, где был куплен маленький домик. Когда отец Николай вернулся из заключения, власти предупредили его, что, как только он начнет служить, они тут же его арестуют. Священник поехал к отцу и сказал ему, что священный сан он снимать не хочет, но и служить, ввиду всех угроз, не может.

Все три сына владыки Уара, жившие в Петрограде, заболели туберкулезом. Владыка забрал их к себе в Липецк и, будучи знаком с лучшими врачами того времени и сам обладая немалыми познаниями в области медицины, предпринял немалые усилия для излечения детей от болезни. Но Господу было угодно иное, и трое его сыновей один за другим умерли в Липецке.

Архипастырская деятельность епископа, его верность Православию, известность среди верующих все более безпокоили богоборческие

власти, и они стали искать повод избавиться от него.

В первых числах апреля 1935 года, во время Великого поста, стало известно, что власти имеют намерение послать 10 апреля бригаду рабочих для снятия колоколов с Христо-Рождественского храма селе Студенки.

Это вызвало сопротивление верующих, после чего в течение месяца власти арестовали священника, диакона, старосту храма и наиболее активных прихожан. Все они были заключены в тюрьму Липецка. Оставшийся на свободе священник согласился лжесвидетельствовать против епископа Уара и арестованного собрата-священника. Под давлением следователей, сбитый с толку лжесвидетельствами, согласился давать показания против епископа и арестованный пастырь. На основании этих свидетельств, 8 июня 1935 года владыка Уар был арестован и заключен в тюрьму.

Допросы продолжались в течение трех недель, затем были проведены очные ставки со лжесвидетелями.

11 сентября 1935 года в Липецке состоялось заседание выездной сессии специальной коллегии Воронежского областного суда. На суде владыка Уар сказал: «Виновным в предъявленном мне обвинении себя не признаю».

В тот же день епископу был прочитан приговор: восемь лет тюремного заключения.

После суда было разрешено свидание с родственниками, и к Владыке пришли его дети. За время мучительного тюремного заключения и следствия священномученик стал выглядеть значительно старше своих лет, но духом он был спокоен. «Не плачьте и не переживайте, – сказал он детям. – Живите, как жили. Живите честно. За меня не мстите. Главное – прожить жизнь достойно».

На следующий день владыку Уара этапом отправили в тюрьму в город Мичуринск Тамбовской области, где он пробыл до марта 1936 года, а затем был отправлен в Карагандинские лагеря, куда прибыл 8 февраля 1937 года. Из лагеря он посылал письма родным. Писал, что живет «слава Богу, жаловаться не на что. И физический труд на пользу. Что касается пищи, то это щи да каша, самая наша крестьянская пища».

В те же годы был арестован староста липецкого собора, который попал в тот же лагерь, что и Владыка. Он писал родным: «Владыке приходится сейчас очень тяжело. Он больной и немощный, а его заставляют тяжело работать. Но вы его все знаете, он никогда не унывает, сам крепится и нас всех поддерживает».

После проведения медицинского обследования у владыки Уара был обнаружен миокардит. Из-за тяжелых болезней епископа перевели на должность счетовода. Все это время Владыка содержался в бараке, где в основном были осужденные по политическим статьям. Но в 1938 году его перевели на участок под названием Меркеле и поместили в барак, где были собраны уголовники. 23 сентября 1938 года они убили Владыку. Священномученик Уар (Шмарин) был погребен на кладбище Самарского отделения Карагандинского лагеря; ныне это село Самарка Мичуринского района Карагандинской области.

На Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года епископ Уар прославлен в сонме новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания

Память: 10 (23) сентября; в Соборе новомучеников и исповедников Российских – 25 января (7 февраля); в Соборе Воронежских святых – 4 (17) сентября.

Молитва священномученику Уару

О, свяще́нная главо́, архипа́стырю предо́брый слове́снаго ста́да своего́, Новому́ченичe Христо́в Уа́ре, те́плый и неусы́пный о нас засту́пниче в ско́рбех и бедах и во вся́ких ну́ждех! Услы́ши нас гре́шных и недосто́йных, моля́щихся тебе́, испроси́ нам ве́ры правосла́вныя утвержде́ние, на всеблаго́е Бо́жие промышле́ние наде́жды укрепле́ние, любве́ к Бо́гу и бли́жним на́шим умноже́ние, му́дрости небе́сныя сниска́ние. Да пребу́дет ще́дрое благослове́ние Царя́ Сла́вы, Го́спода нашего Иису́са Христа́, над страно́ю на́шею и гра́дом Липецком, да изба́вимся от тру́са, огня́, междуусо́бныя бра́ни, гла́да и мо́ра и иныя па́губы; но да будет в нас, ходатайством твои́м, свя́те, мир, братолю́бие друг ко дру́гу серде́чное, благоче́стие и послуша́-ние, душе́вных и теле́сных сил кре́пость и здра́вие, ра́дость и тишина́ духо́вная. Да та́ко в ве́це сем скоропреходя́щем пожи́вше, с тобою, Святи́телю наш ми́лостивый, на ве́чных па́житях Христо́вых со Все́ми Святы́ми обря́щемся, в черто́зех Бо́га на́шего, во Святе́й Тро́ице от небе́сных и земны́х воспева́ема и поклоня́ема во ве́ки веко́в. Ами́нь.

Нагорная проповедь

Заповеди блаженства

в изречениях и делах святых отцев, живших в IV и V веках

Тако да просветится свет ваш пред человеки, тако да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, иже на Небесех (Мф. 5, 16).

1. Созидай брата, спасай его как добрым примером своим, так соединенным с доброй жизнью добрым словом.

2. *Примечание.* Берегись учить самодовольно, тщеславно, без нужды, навязчиво и еще без приспособления к силам и способностям братьев.

(Продолжение. Начало в № 22-30)

1. Рассказывали об Авве Исидоре, пресвитере Скитском: если кто имел у себя брата слабого или нерадивого или ругателя и хотел прогнать его от себя, то Авва Исидор говорил: приведи его ко мне. Принимая такого к себе, он спасал его своим терпением.

Три отца имели обыкновение ежегодно приходить к блаженному Антонию. Два из них спрашивали его о помыслах и о спасении души, а третий всегда молчал и ни о чем не спрашивал. После долгого времени Авва Антоний говорит ему: вот ты столько времени ходишь сюда, и ни о чем не спрашиваешь меня? Сей отвечал ему: для меня, отец, довольно и смотреть на тебя.

Рассказывали об Авве Макарии Египетском: шел он некогда из Скита в гору Нитрийскую и, приближаясь к месту, сказал ученику своему: пойди несколько вперед. Ученик, идя вперед, встретился с одним языческим жрецом и стал кричать ему: эй, эй, демон, куда идешь? Жрец, оборотившись, начал бить его и оставил полумертвым. Потом поднял дерево, которое нес, и побежал. Отойдя несколько вперед, встретился он с Аввою Макарием. Старец сказал ему: будь здоров, будь здоров, человек трудолюбивый! Жрец удивился, подошел к нему и спросил: что ты нашел во мне доброго, что приветствуешь меня? Старец отвечал: я вижу, что ты трудишься, хотя и не знаешь, что напрасно трудишься. Жрец сказал: твое приветствие поразило меня, и я вижу, что ты человек Божий, а другой злой монах, встретившись со мною, обругал меня, и я избил его до смерти. Старец узнал, что это был ученик его. Жрец же, ухватившись за ноги Макария, говорил: не отпущу тебя, пока не сделаешь меня монахом. Итак пошли они вперед к тому месту, где был монах, и подняли его и принесли в церковь Горы. Отцы, видя жреца вместе с Макарием, удивились и сделали его монахом, а через него и многие из язычников сделались христианами. По этому случаю Авва Макарий говаривал: худое слово и добрых делает худыми, а слово доброе и худых делает добрыми.

Один брат, живший недалеко от Аввы Пимена, пошел некогда в чужую страну. Там встретился он с одним отшельником, которого очень любили, и многие ходили к нему. Брат рассказывал ему об Авве Пимене. Старец, услышав о добродетельной жизни Аввы, пожелал видеть его. По возвращении брата в Египет, через несколько времени и отшельник пошел в Египет к тому брату, который был у него, ибо тот сказал ему, где он живет. Брат, увидев его, удивился и очень обрадовался. Отшельник сказал ему: сделай милость, проводи меня к Авве Пимену. Брат взял его, пошел с ним к старцу, и так говорил о нем Пимену: это великий муж; он очень любим и уважаем в своей стране; я рассказал ему о тебе, и он пришел, желая видеть тебя. Старец принял странника с радостью, и по взаимном приветствии они сели. Странник начал говорить от Писания о предметах духовных и небесных. Но Авва Пимен отвратил от него лицо свое и ничего не отвечал ему. Тот, видя, что старец не говорит с ним, пошел от него с прискорбием, и сказал брату, который его привел: напрасно предпринимал я такой путь; пришел я к старцу, а он не хочет и говорить со мною. Брат пошел к Авве Пимену и сказал ему: Авва, для тебя пришел этот великий муж, столь славный в стране своей; почему же ты не говоришь с ним? Старец отвечал ему: он от вышних и говорит о небесном, а я от дольних и говорю о земном. Если бы он говорил со мною о душевных страстях, я отвечал бы ему; но он говорит о духовном, чего я не знаю. Брат вышел от Аввы и сказал пришельцу: старец не вдруг говорит от Писания, но если кто рассуждает с ним о душевных страстях, тому он отвечает. Тронутый сим, странник вошел к старцу и сказал ему: что мне делать, Авва, мною владеют страсти душевные. Посмотрев на него, старец сказал с радостью: теперь хорошо ты пришел; теперь отверзу уста мои и исполню их благ. Отшельник, получив великое назидание, говорил: действительно, это истинный путь! И возвратился в свою страну, благодаря Бога за то, что удостоил его видеть столь святого мужа.

Авва Псенфасий, Авва Сур и Авва Псой говорили: слушая наставления отца нашего Аввы Пахомия, мы получили большую пользу, ибо он возбудил в нас ревность к добрым делам. Видя, что хотя он молчит, но дела его поучительно говорят, мы дивились и говорили между собою: думали мы, что Сам Бог творит святыни, что святые святы еще от чрева матери своей, что святые не могут по своей воле ни лишиться, ни достигнуть святости, и что грешники не могут жить благочестиво, потому что они сотворены грешниками, но теперь ясно видим благодать Божию в сем отце нашем. Он произошел от родителей язычников, и сделался столь благочестивым и столько украсился добродетелями по всем заповедям Божиим. Посему и мы мо-

жем, и все могут последовать ему, как сам он, следует святым. Сказано в Писании: *приидите ко Мне, все труждающиися и обремененные, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28). И так умрем греху и поживем с человеком сим, ибо он прямо ведет нас к Богу.

2. Говорил Авва Илия, из диаконов: какую силу грех имеет там, где есть покаяние; и что пользы от любви там, где есть надмение?

Братия пришли к Авве Филиксу в сопровождении некоторых мирян и просили его дать им наставление. Старец молчал. Когда же они сильно упрашивали, сказал им: вы хотите услышать наставление? Так, Авва, – отвечали они. Старец сказал им: ныне нет наставления. Когда братия спрашивали старцев и исполняли, что старцы говорили им, тогда Сам Бог сообщал старцам дар слова; а ныне, когда только спрашивают, а не делают того, что слышат, Бог отнял у старцев благодать слова, и они не находят, что говорить, потому что некому исполнять слова их. Братия, услышав это, вздохнули и сказали: помолись о нас, Авва!

Авва Исаак говорил братии: я уже не даю вам заповедей; ибо вы не храните их.

Пришел один брат к Авве Пимену и сказал ему: я засеваю поле и после делаю из того вечерю любви. Старец отвечал: хорошо ты делаешь. Брат ушел от него с радостью, и еще более старался о вечерях любви. Авва Анувий, услышав об этом, сказал Авве Пимену: не боишься ли Бога, что дал ты такой ответ брату? Старец промолчал. Через два дня Авва Пимен послал за братом и при Авве Анувии спросил его: что ты мне говорил в тот раз? Ум мой занят был тогда другим. Брат отвечал: я говорил, что засеваю свое поле, и после из того делаю вечерю любви. Авва Пимен сказал ему: я думал, что ты говоришь о брате своем, мирянине. Если ты сам так делаешь, то такое дело не прилично тебе. Брат, услышав это, огорчился и сказал: кроме сего я не знаю никакого другого дела, а потому не могу не засевать своего поля. По уходе брата Авва Анувий поклонился старцу и сказал: прости меня. Авва Пимен говорит ему: я и прежде знал, что это не его дело; но сказал так согласно с его мыслями, и тем возбудил в нем ревность к преуспеянию в любви. Теперь он ушел от нас в огорчении, и опять то же будет делать.

(Продолжение следует)

Схиигумен Евсевий

Задонские праведники

Строитель и созидатель

В 1736 году на территории Тешевского (Задонского) Богородицкого мужского монастыря был заложен первый каменный храм. Строительство его завершилось спустя четыре года. Главный престол новой церкви освящен был, как и в прежней, деревянной, во имя Сретения Владимирской иконы Богоматери. Правый придел – в честь Рождества Иоанна Предтечи; левый – во имя Евсевия, епископа Самосатского. И как раз этого святого избрал своим небесным покровителем строитель первой каменной церкви Богородицкого монастыря – игумен Евфимий, облекаясь в схиму под именем Евсевия.

По кончине своей схиигумен Евсевий погребен был под алтарем главного монастырского храма. Здесь, под алтарем Владимирского собора он и покоился, рядом с захоронением святителя Тихона, до 1846 года. Тело схиигумена, совершившего первые каменные постройки до того деревянного монастыря, почти одновременно с телом святителя Тихона, при разборке обветшавшего храма, обретено было нетленным спустя ровно век после погребения.

Епархиальное начальство сочло неудобным предавать этот факт огласке, так как об усопшем в 1740-х годах настоятеле не было известно практически ничего, кроме его большого вклада в материальное обустройство Богородицкого монастыря. Тем не менее, игнорировать совсем знак благодати, явленный в виде нетления тела схиигумена, было бы неверным решением. И, согласно резолюции епископа Воронежского и Задонского Антония II (Смирницкого), наложенной на рапорт настоятеля и братии от 5 марта 1846 года, тело схиигумена Евсевия «без всякой огласки» перенесено было в «Митрофанову часовню», где и погребено среди тех, кто имя Божие носил на челе своем при жизни земной и удостоен был молитвенного почитания по окончании ее.

К сожалению, минувшие с тех пор десятилетия не на много расширили наши знания о схиигумене Евсевии. Как и прежде, главное, о нем достоверно известное, это то, что

Части сохранившихся ворот и стены, построенных при схиигумене Евсевии

благодаря умелой экономической политике игумена Евфимия II (в схиме Евсевия), бывшего не только мудрым духовным наставником братии, но и сметливым хозяйственником, деревянные до того здания Задонского Богородицкого монастыря получили кирпичное воплощение.

«Ведомости Коллегии Экономии» за 1739-1741 годы сохранили перечень зданий Богородицкого монастыря того времени, позволяющий нагляднее представить внутренний уклад обители. На момент составления «ведомостей» в Тешевском монастыре числились: «1 деревянная церковь однопрестольная; другая каменная, строится, с 3 престолами; каменная келья настоятеля, под ней же погреб для поклажи с выходом; 9 келлий с сенями; хлебня, да поварня, погреб с напогребицею; погреб с выходом; житница; 2 конюшни да 2 сарая; ограда деревянная на 150 сажен (около 450 м)». 9 келлий с сенями – это уже не отдельные домики-кельи раннего периода, а братский общежительный корпус, где в среднем на 1 келью приходилось около 10-15 кв. м, судя по размерам здания.

Позднее парадная, западная, стена ограды и ворота в ней были выложены из кирпича. «Против соборной церкви сооружена каменным же готическим зданием колокольня, примыкавшая передней стороной к означенной ограде; внутри оной в первом этаже устроен был храм во имя Святителя Николая; по обе стороны колокольни построены о двух этажах келлии с кладовыми для настоятеля и казначея; приобретена ризница и утвари престольныя», – так рассказывает об обновлении обители о. Геронтий (Кургановский).

Кое-что из построенного схиигуменом Евсевием дожило и до дней сегодняшних. Это, частично, кирпичная стена, отделяющая собственно монастырский двор от колокольни с гостиницей, а также башня, завершающая северный конец старинной стены.

Завершил свой земной путь игумен Евфимий II в 1746 году, с именем Евсевий, облекшись в схиму и оставив годом ранее настоятельство.

Упокоен был схиигумен с почестями под алтарем нового Владимирского собора, сооруженного в дни, когда столь успешно руководил он вверенной ему управлению обителью во имя Пресвятой Богородицы.

Из личных вещей до 1922 года в ризнице сохранялся серебряный крест с надписью: «Устроен крест сей в Задонском монастыре тщанием игумена Евфимия. 1741 г.».

В жизнеописании задонской странноприимницы Матроны Наумовны Поповой, составленном иеромонахом Геронтием, приводится весьма интересное предание, связанное с именем схиигумена Евсевия. «Попова любила выражать чувства глубокого почитания и к почившим о Господе старцам-подвижникам, покоящимся в святой обители Задонской. Так, в день приснопамятной кончины (13-го августа) святителя Христова Тихона, схимонаха Митрофана (февраля 27-го), иеросхимонаха Агапита (сентября 17-го), затворника Георгия (мая 25-го) и прочих она всегда поставляла трапезы нищей Христовой братии среди своего двора. Но, творя поминовение о всех замечательных по жизни старцах обители, Матрона Наумовна почему-то, вопреки своему обычаю, не поминала игумена Евсевия. И что же? Однажды старица заставила одну из приближенных своих девиц читать акафист Успению Божией Матери. Но вдруг, неожиданно остановив читавшую, приказала ей немедленно выйти в другую комнату, что та поспешно исполнила. Оставшись наедине, Матрона Наумовна пала на землю и, стоя на коленях, простирала руки, как бы прося от кого-то благословения, и произнесла: «Кто же ты, батюшка?» – «Я здешний игумен Евсевий; а ты меня не поминаешь»... «Буду, буду поминать, – взывала старица, – простите Христа ради»!... Это видение было в день священномученика Евсевия, епископа Самосатского, 22 июня 1845 г».

Сохранившаяся до наших дней угловая башня, построенная при схиигумене Евсевии

Л. МОРЕВ

Свято-Троицкий Тихоновский женский монастырь в Задонске

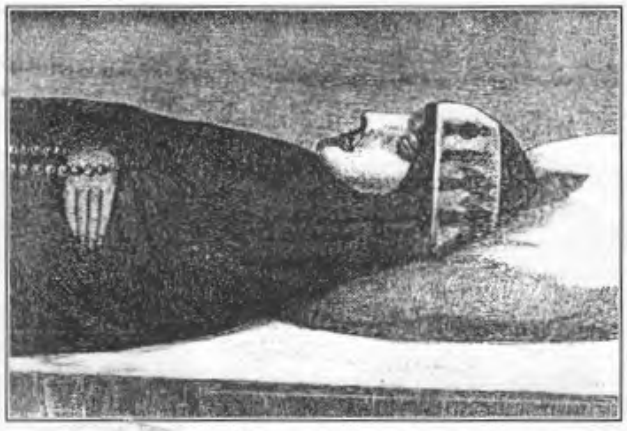
(Часть 1)

История Задонского Свято-Троицкого Тихоновского общежительного женского монастыря со странноприимным при нем домом начиналась в первой половине XIX столетия, когда в Задонске, среди продолжателей подвигов Св. Тихона в г. Задонске, наряду с Георгием Машуриным и другими попечительными о духе старцами, выделялась и старица Матрона Наумовна Попова[1].

В продолжение более 30 лет трудилась ради Бога благочестивая старица Матрона, в иночестве – Мария. Подвигом своей жизни она избрала служение ближним – немощным, сирым, странным.

По происхождению из духовного звания, дочь заштатного дьячка Елецкой пригородной слободы Ламской, Матрона Наумовна Попова родилась в 1769 году. Семи лет оставшись сиротой, она ютилась по чужим людям, пока тяжелая истерическая болезнь не лишила ее и этого крова. По совету благочестивых людей, Наумовна отправилась в Задонск, и здесь, при гробе святителя Тихона, получила исцеление от своего недуга. И тогда, когда даровано было ей исцеление от тяжкой болезни по молитвам Св. Тихону, она дала обет служить угоднику Божию: «Ты меня исцелил, угодник Божий, ты и не оставь меня, безпомощную сироту, в последующих путях моей жизни. Поручаю себя всегдашнему твоему покровительству и не отойду от тебя, благодетель мой»! Сказавши так, Матрона от слов своих не отступила, хоть и немало пришлось претерпеть ей на избранном нелегком пути служения Господу через помощь ближним.

Более тридцати лет прожила Попова около Задонского монастыря, благоговейно почитая Святителя Тихона. Но это было не одно лишь умиление пред святостью угодника Божия, это был в то же время подвиг деятельной любви. Матрона хорошо поняла, что св. Тихон, отрекшись от мира, своими наставлениями и благотворениями до конца дней своих служил мирянам. И следуя этому примеру, она сделала своим подвигом служение неимущим, притекавшим во множестве в Задонск к гробнице св. Тихона.



Задонская старица Матрона Наумовна на смертном одре

Свой подвиг странноприимства Матрона Наумовна начала с маленькой келлии, специально купленной для этой цели старцами Задонского монастыря Анатолием и Илларием, без всяких средств, с одною верою в помощь Божию и Его святого угодника. А со временем устроила странноприимный дом и дала в нем приют очень многим паломникам во множестве приходившим в Задонск на богомолье, по благоговению к памяти святителя Тихона.

В холерный 1831 год Матрона Наумовна ухаживала за больными, питала их, выхлопатывала место на кладбище для усопших и хоронила безприютных бедняков; принимала подкидышей и сирот, воспитывала их и пристраивала в месту.

«У Бога всего много, – говаривала старица – святое милосердие Его питает нас, – и нам грешно будет не делиться с неимущими».

Эта деятельная христианская любовь сделала имя нищей Матроны известным и уважаемым среди всего окрестного населения. Ее чтили Воронежские архипастыри, особенно Антоний II (Смирницкий).

В самом Задонске около старицы, с годами все более почитавшейся за нищелюбие и попечительность об убогих, образуется община сотрудниц, которые под ее руководством молятся и ей помогают в призрении странных. Так минули годы и приблизились к концу дни земной жизни старицы-странноприимницы. В преклонной старости, чувствуя уже приближение смерти Матрона все чаще задумывалась о том, что будет после ее кончины. С тревогою в сердце и глубокой скорбью не раз она повторяла: «Господи Боже мой, что-то станется, когда издалека придут странные на поклонение Божией Матери и святителю Тихону и как приюта здесь не будет, а ежели из них еще будут слабые, больные, изнуренные долгим путем. И никто не успокоит их... Да что же это будет?»

Размышляя так, Попова решила упрочить то дело, над которым она трудилась более 30 лет. Для чего завещала на месте приобретенном на суммы, пожертвованные благодетелями устроить общину «сестер милосердия». Место, гда предполагалось впредь покоить странных и обездоленных, располагалось тогда за северной границей города, по дороге в слободу Тюнино. Там уже

[1] Более подробное жизнеописание Матроны Наумовны Поповой смотри в книге архимандрита Геронтия (Кургановского) «Жизнь Матроны Наумовны Поповой, Задонской странноприимницы», изданной в стенах Задонского мужского монастыря.

жили и трудились несколько десятков сотрудниц Матроны Наумовны.

Блаженная старица Матрона скончалась 18 августа 1851 года и погребена была в усыпальнице Задонского Богородицкого монастыря, именовавшейся «Митрофановой пещерой». В метрической книге Задонского городского Успенского собора за 1851 год об этом событии была сделана следующая запись: «Августа 18 умерла, а 19 погребена мещанская девица Матрона Наумовна Попова 90 лет. Погребение совершено протоиереем Петром Алексеевским с причтом».

Сотрудницы Матроны тотчас же после ее смерти начали хлопотать об учреждении при странноприимном доме общины.

В ноябре 1851 года одна из них, девица Стефанида Черных, писала на имя обер-прокурора Священного Синода, графа Н. А. Протасова: «более 40 лет тому назад гражданка г. Ельца Матрона Наумовна, получив от тяжкой болезни исцеление при гробе святителя Тихона, в благодарность Богу дала обет служить больным и принимать в г. Задонске странных, приходящих сюда по благоговению к памяти святителя. Бог благословил сие намерение и даровал Наумовне споспешествующих благотворителей, а также расположенных подобно ей сотрудниц (число которых в последнее время, простиралось до 40), с которыми она до последнего времени занималась принятием и успокоением больных и странных в Задонске, в устроенном для сего доме. Пред своею кончиною старица Наумовна завещевала оставшимся по ней сотрудницам, чтобы ее благотворительное учреждение, которое существовало до сих пор частно, упрочено было утверждением от правительства, под наименованием «Тюнинского общества сестер милосердия», и имело при своем доме церковь во имя Скорбящей Божией Матери. Это общество не рассчитывает пользоваться никаким окладом от казны или от духовного начальства, но ожидает способов своего существования от провидения Божия, от доброй деятельности своих членов и от христианского милосердия ближних, которые пожелают предложить ему единовременные или срочные пособия. Место, на котором находится странноприимный дом, и где предполагается устроить церковь, отстоит в полуверсте от Задонского мужского монастыря на север и заключает в себе два земельных участка: а) отказанный по духовному завещанию Задонской мещанки Марфы Добычиной и б) жертвуемый по дарственному акту Задонским протоиереем Петром Алексеевским. Умершею Наумовною устроены тут разные здания, и приготовлен материал для новых построек».

Святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский

Прошение девицы Черных принято было в Петербурге весьма благосклонно, благодаря в особенности ходатайству митрополита Московского Филарета (Дроздова). Внимание святителя к прошению из Задонска привлек наместник Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Антоний, которому старица Матрона Наумовна была лично известна своими богоугодными делами и благочестием. Отходя к вечности и завещая позаботиться о дальнейшем созидании общины милосердия, Попова вразумила своих сотрудниц заручиться содействием знаменитого архипастыря Московского через посредство архимандрита Антония.

Святитель Филарет не без удивления воспринял это прошение, но, разобравшись в сути дела, стал горячим сторонником оказания всяческой подержки идеи созидания в Задонске общины сестер милосердия в память святителя Тихона. Вот что писал святитель графу Протасову: «Должно признаться, что вхожу в чужое дело, представляя вашему сиятельству прошение Тихоновского общества сестер милосердия, около 40 лет существующего в Задонске без сего наименования и без законного утверждения, а ныне, по завещанию учредительницы Матроны Наумовой, ищущего законного утверждения. Знаю, что дела человеколюбия, и без ходатайства, приобретают внимание и попечение вашего сиятельства. Однако Наумовой, не знаю почему пожелавшей употребить меня для ходатайства по сему делу, не решился я отказать; частью потому, что слышал о ее богоугодной деятельности, частью потому, что она, по изъявлению означенного желания, скончалась; а отшедшим к Богу прекословить и отказывать не так удобно, как живущим на земле... Если удостоены утверждения женские общежития, имеющие целью только собственную тихую и благочестивую жизнь сестер, то можно полагать, что не менее, или даже более достойно утверждения общежития, которое к вышеозначенной присоединяет другую цель, – оказывать человеколюбие бедствующим ближним. И хорошо, что Тихоновское общежитие образовалось не по иностранным образцам, но в простоте духа православного и русского. Предвидится то затруднение, что общество сие не имеет довольно вещественного обеспечения. Но сие затруднение, по моему мнению, разрешается тем, что общество в самом учреждении своем обязывается не требовать никакого пособия от государственной казны и от духовного начальства. Если оно будет действовать, как начало, в духе веры и упования на Бога, русская благотворительность поддержит его. А если бы случилось (от чего да сохранит Бог), что оно оскудеет, то от сего не будет затруднения начальству: члены общества, как не связанные пожизненным обетом, возвратятся в звания, которым принадлежат, и жизнь общества погаснет тихо, как тихо началась»...

(Продолжение следует)

Текст данной публикации основан на статьях Правдина А. М. «Женские монастыри Воронежской епархии, основанные в XIX веке» и Никольского П. В. «Задонские монастыри, как памятник святителю Тихону».

(Окончание. Начало в № 29-30)

Паломники рассказывают

Схиигумен Митрофан

Воспоминания духовных чад о иеромонахе Серафиме (схиигумене Митрофане)

Отец Серафим очень любил петь псальму «Из пустыни старец». Пришла как-то к батюшке раба Божия Мария – он тут же запел свое любимое песнопение, а сам смотрит на нее – будто бы для нее поет. А в песне повествуется о том, что такое послушание духовному отцу и как нужно его проходить. «А я думаю, – рассказывала после Мария, – что это батюшка ко мне обращается?» Через некоторое время старица схим. Антония благословила ее поступить к батюшке на послушание.

Жила она у отца Серафима в одной келье с Раисой – его племянницей. Племянница зачастую ревновала: ей казалось, что ее меньше, чем Марию, жалеют, меньше любят. На этой почве у них нередко происходили ссоры, но все свои недомолвки они, конечно, старались тщательно скрывать от батюшки. Однажды приходят из сарая, где в очередной раз поругались, а отец Серафим и говорит: «Ой, какая туча находила! Какая туча была! Но дождик не пошел», – он имел в виду, что до крупной обиды, до слез дело не дошло. А после сказал духовной дочери: «Вот вы там поцапались, повздорили немножко, а потом надо просить прощения друг у друга, пока солнце не зашло», – то есть до вечера того дня, в который поругались.

Отец Серафим был силен духом, сильна была его молитва. Люди знали, что по молитвам батюшки получат просимое, и шли к нему с горем и радостью.

Как-то матушка Ксения ехала к отцу Серафиму со скорбью: когда сестра дежурила на переезде, произошел несчастный случай. Идет Ксения к отцу Серафиму, а он издали кричит: «Ничего сестре не будет: шофер пьяный был». Сестру оправдали.

Иногда, когда кто-нибудь собирался к батюшке приехать, он прозревал это и говорил келейницам: «Вот такие-то (назовет фамилию) едут. Они сейчас там-то (укажет деревню или село, которую они проезжают). Скоро уже будут», – и скажет, к какому часу они приедут и сколько будет человек. А потом приезжают эти самые рабы Божии, и именно столько человек, и как раз к тому времени, какое указал батюшка.

Отец Серафим сам шил и вышивал облачения. В быту он одевался бедно, но облачения для службы у него были очень красивые. На Пасху, как и положено, он менял несколько риз. Во время службы будто летал. Глядя на него, люди радовались, словно в храме летают ангелы.

Благодать касалась всех, чувствовалось благоухание, и всем было легко и радостно.

Как-то матушка Варвара собиралась идти на следующий день в Ячейку на службу и перед этим ночью во сне услышала голос: «Матушка, вы собрались идти в церковь не в Ячейку, а в Иерусалим». Да, это место было святое. Там до сих пор легко дышится.

На Успение Божией Матери посреди церкви устраивали балдахин, обвитый ветками с фруктами. Батюшка весь сиял, народу было очень много, и от радости у всех текли слезы... Те из духовных чад отца Серафима, которые еще живы, до сих пор не могут забыть батюшкиных служб.

Но не нравилось это врагу нашего спасения: находились люди, которые высмеивали отца Серафима, писали на него анонимки архиерею. Много скорбей перенес батюшка за 11 лет своего служения в Ячейке. После того, как он открыто похоронил прихожанку, владыке Сергию (Петрову, †1990 г.) пришлось перевести батюшку на другой приход, потому что время тогда было советское, и власти не разрешали, чтобы покойника на кладбище сопровождал священник.

Провожало отца Серафима с плачем все село, шли за ним несколько километров.

Когда батюшку перевели из Ячейки, на его место назначили нового иерея. В церкви тогда стояла икона Матери Божией «Взыскание погибших» – копия той, что находится в московском Богоявленском соборе. Богородица на ней была изображена с непокрытой головой, поэтому новый священник накрыл икону полотном, чтобы потом куда-нибудь убрать, сказав, что она «какая-то неправильная». Когда духовные чада рассказали отцу Серафиму, что новый священник за ненадобностью завесил икону, батюшка произнес: «Раз он закрыл Матери Божией лик, то и его Матерь Божия прикроет». Спустя некоторое время священник разбился на мотоцикле.

Когда отца Серафима отправили в Девицу, он предсказал своим духовным чадам: «Мы тут долго не будем», – и через девять месяцев его перевели на другой приход.

Однажды батюшка явился к митрополиту Сергию, как юродивый: поддернул подрясник с обеих сторон, зашел к владыке и после того, как тот его благословил, вдруг протянул ему для поцелуя свою руку! Потом, как бы спохватившись, сказал: «Ой, владыка, простите меня! Что я натво-

рил-то!» На второй день владыку Сергия перевели в Одессу.

Как-то батюшка благословил нескольких сестер поехать в Киев и Почаев. Стали они собираться, а матушка Досифея (бывшая уставщица монастыря) решила: «И я с ними поеду». Батюшка ее не отпустил: «Нет, ты не поедешь». Она дерзко ответила: «Как не поеду?! А ты меня не постригал», – дескать, и запретить не можешь. Тогда он ей строго сказал: «За непослушание – ослепнешь!» Но она все равно отправилась с сестрами. Приехали они в Киев, пришли в Лавру. Начали спускаться в пещерки – вдруг матушка Досифея зарыдала, заплакала и говорит: «Я не вижу. Ведите меня».

Через некоторое время сестры вернулись из Почаева, и жизнь пошла своим чередом. Батюшка днем отправился на требы, а матушки принялись печь просфоры: скоро должен был наступить какой-то праздник и просфор требовалось напечь немало, ведь на праздники обычно приезжало много народа. В это время пришла женщина, которая раньше была в том селе просфорницей, и принесла картошки. Она ушла – просфорки перестали получаться. Отец Серафим приехал, а сестры ему говорят: «Батюшка, простите, у нас почему-то просфорки не получаются! Мы уже целый мешок напекли – и все никак!» А он им в ответ: «Проразззявили! Кого пустили-то?» Тут сестры вспомнили, кто к ним приходил. Батюшка специально отслужил молебен, и только после этого просфорки снова стали получаться. Отец Серафим сказал: «Когда печете просфоры, всегда просите помощи преподобных Сергия, Никодима и Спиридона – преподобный Сергий пек хлеб, а Никодим и Спиридон были просфорниками».

Батюшка Серафим очень строго смотрел за тем, чтобы никто не смел, как это нередко делают просфорницы на других приходах, употреблять неполучившиеся просфорки с чаем. Он говорил, что такие просфоры хоть и не освященные, а все равно их надо вкушать как святыню – только натощак, потому что когда сестры пекли просфорки, добавляли святую воду, и, накладывая головочку, называли имена: за упокой или о здравии.

Как-то раз отец Серафим перед отъездом сказал своим келейницам: «Ничего сегодня не делайте, не мойте – не надо». А матушка Паисия ему: «Езжай – мы без тебя тут знаем, что делать!» Он посмотрел на нее и ничего не сказал. Батюшка уехал – матушка говорит: «Давайте стирать». А одна из сестер напоминает: «Матушка, ведь батюшка нам не благословил. А если чего-нибудь случится?» Мать Паисия говорит: «Да что может случиться? Ничего! Он это просто так сказал». Постирали они покрывала на подсвечники – церковь была бедная, и подсвечники внизу закрывали белым материалом и перевязывали ленточкой, чтобы палка не торчала. Повесили сушиться… – и ветром все на полосочки порвало! Матушка Паисия как увидела – зарыдала: «Что мы теперь будем делать?! Да лучше бы я тебя послушала!» А сестра ей отвечает: «Матушка, да ты не горься[1] – мы выйдем из положения: белые шторки с окон снимем и на подсвечники привяжем. А на окна чего-нибудь повесим». Матушка ободрилась: «Ну, слава Богу! Ты меня успокоила».

[1] Не горюй.

Когда сестры стирали и гладили белье, то батюшкины вещи всегда лежали отдельно, потому что он монах и священник. Стирала и гладила ему матушка Паисия, так как она была самая старшая, а остальным к его белью не велели прикасаться. Для батюшкиных вещей у матушки даже было отдельное корыто.

Как-то мать Досифея – та самая, которая ослепла – возгордилась. Говорит: «Я мяса не ем и ничего такого не употребляю!» А батюшка велит одной из своих келейниц: «Неси борща скоромного». Мать Досифея начала есть и удивляется: «Ой, как пахнет: как будто борщ с мясом!» А батюшка ей: «Да ты ешь, ешь, матушка. Кто же с мясом тут наварит?» А когда она покушала, отец Серафим говорит: «Ну, вот – ты хвалишься: «Мяса не ем!» – а сама мяса и налопалась!» Так батюшка ее смирял.

Однажды он благословил одну из сестер, которая к тому времени была уже в постриге, съездить в Почаев. Собралась она в поездку и думает: «Возьму облачение с собой и там в нем похожу – дома ведь нельзя, а в Почаеве все так ходят». Положила подрясник, апостольник, закрыла

Схиигумен Митрофан и схимонахиня Михаила

сумку, а батюшка идет мимо и спрашивает: «Мать, что это там у тебя в сумке?» Она отвечает: «Подрясник и апостольник». Батюшка приказывает: «Вынь, оставь. Господь знает, кто

ты. И будешь причащаться – говори свое мирское имя». Она послушалась, вынула облачение и отправилась в Почаев, как простая мирянка. А когда приехала, ее забрали в милицию и никак не хотели отпускать. Потом с трудом все же выпустили. А если бы узнали, что монахиня, могли бы задержать надолго.

Приехал как-то отец Серафим в Ячейку к рабу Божиему Николаю, который тогда работал в аптеке.

После обеда батюшка говорит ему: «Николай Иванович, пойдем, во двор сходим». Вышел, взял метелку и начал разметать. Николай ему: «Батюшка, да не надо!» – он знал, что если батюшка метелкой разметает, значит, предсказывает, что скоро человек не будет жить на этом месте. А отец Серафим и говорит: «И там будет хорошо». Сразу после этого Николая перевели в Шахмань... Сейчас он уже иерей Николай.

Перед смертью батюшка заболел и слег в постель. Последнюю службу он отслужил в Путятино 25 июля 1964 года. Больного отца Серафима навещали его духовные дети. Он очень скорбел, что оставляет их. Одной из своих духовных чад сказал: «Никто за вас здесь так молиться не будет. Но как здесь я за вас молился, так и там молиться буду». Другой говорил: «Никто вас не утешит. Будете из угла в угол бегать. Но я оставляю вас под покров Матери Божией», – а сам плакал. А третьей незадолго до смерти рассказал: «Скоро я умру. Приходила Пречистая с тремя лица-

ми (с кем – не сказал) и спросила: «Умертвить тебя, отец Серафим, или оживить?» Я от страха молчал. Сказать «оживить» – вдруг не ко спасению, «умертвить» – страшно. Сказал: «Да будет воля Твоя, Пречистая». И видение скрылось».

Когда он благословлял всех в последний раз, то велел своей келейнице матери Паисии раздать все его вещи, какие она только сможет найти. Но их у батюшки почти не оказалось. Все было простенькое, скромное. У него даже шерстяной одежды не было: рубчиковый подрясник да рубчиковая ряса.

Когда отец Серафим благословлял матушку Серафиму мичуринскую, приехавшую с ним попрощаться, то при этом слегка придержал ее руку. Но она сказала ему как бы в ответ: «Подожди, не бери меня – я еще нужна».

Перед смертью батюшка принял схиму с именем Митрофан в честь святителя Митрофана, Воронежского чудотворца.

Замечательно, что отец Серафим и отец Кукша, как они и договаривались, умерли в один год.

Кончина батюшки наступила 25 декабря 1964 года в 6 часов утра. Он ушел на 62-м году жизни. Отпевали его в Покровском соборе при стечении большого количества людей. Всю ночь гроб с его телом стоял в церкви, где непрестанно служились панихиды. По завещанию похоронили батюшку в селе Михайловка.

Схимонахиня Евстратия рассказывала, что когда еще отец Серафим служил на приходе в Ячейке, приехали однажды к нему племянник и племянница. Собрались они с батюшкой ехать в родную деревню Марьевку. Отец Серафим благословил отправиться с ними и матушку Евстратию. "Приезжаем мы в Михайловку, – рассказывала матушка, – идем по кладбищу – по тому, где сейчас батюшка похоронен. А он и говорит племяннику: «Вася, ты меня будешь хоронить вот здесь», – и воткнул на том месте палочку, хворостиночку. Потом мы пошли в деревню, побыли там, а на обратном пути снова зашли на кладбище. Батюшка нам рассказал, где его отец и мать похоронены, где бабушка с дедушкой. Потом показал: «А вот тут лежит блаженный Ваня. Я в детстве к нему часто бегал. Он мне говорил: «Никитушка-

Никитушка, когда мы с тобой помрем, таких больше не будет»»... Прошло много лет, батюшка умер. А когда приехали в Михайловку копать могилку, хворостинка, поставленная им, стояла на том же самом месте нетронутой!"

Высшие пути жизни

Одному из великих египетских отцов был глас Божий, чтобы он шел в город, где Господь должен ему показать людей, выше, чем он, жизнью.

Этими людьми оказались две сестры вдовы, которые жили в благочестии, тщательно воспитывали своих детей, помогали бедным, и не проводили ни одного часа без работы.

И все же над мирскою жизнью есть высший род жизни. Подобно тому, как никогда не достигнет высшей учености человек, который будет перемешивать свои ученые занятия с мирской суетой, – так никогда не достигнет высочайшего горения духа человек, для которого не Бог есть единственная цель его стремлений. И высшая жизнь на земле – есть жизнь иноческая.

Нельзя не считать иноком того, кто носит мирское платье, исполняя все обеты монашеские; и не тот инок, кто одет монахом, а живет хуже многих мирян.

Но инок тот, кто горит одною любовью к Богу, и для кого Бог – единственная цель всех его стремлений.

Выше всего то совершенное отвержение мира, ничем не нарушимое пребывание во Христе, каким является истинное монастырское монашество и отшельничество.

Если условия плоти так угнетают обычных людей, так отводят их от жизни духа, то какая радость, какой восторг видеть людей почти освободившихся от этой тяжкой власти.

Вот, великий Антоний в пустыне проводит, время от времени, по пяти дней без пищи, и после столь долгого поста довольствуется маленьким хлебом, который размачивает в соленой воде.

Когда он одряхлел, иноки еле добились от него позволения приносить ему оливы, зелень и масло.

Часто ему случается проводить в молитве всю ночь. Бывало, отдохнув до полночи, он поднимается, и молится с воздетыми руками до восхода солнца или до трех часов вечера.

Он находит, что солнце мешает ему, и восклицает: «Солнце, солнце, зачем встаешь ты развлекать меня своими лучами, как будто ты выплываешь только для того, чтобы закрыть от меня блеск истинного Света».

Сладость, которую великий Антоний испытывал при молитве, внушает ему какое-то равнодушие к плоти. Он смотрит на питание себя, как на грустную необходимость, к которой он приступал с сожалением. Ему даже было стыдно чувствовать, что он не может убить ее в себе. Иногда, готовясь сесть за стол с братией, он или оставлял их, чтобы вовсе ничего не есть, или,

Пресвятая Богородица – Игумения Святой Горы Афон

чтоб принять пищу одному, смущаясь делать это пред другими. В ту самую ночь, когда, быть может, верующие, но привязанные к миру люди древней Руси провели за шумными пиршествами, в эту самую ночь к великому отшельнику Сергию сходила для беседы с ним Царица Небесная, и в воздухе тихой обители прозвучала весть, застывшая в этом воздухе и вливающаяся в сердца верующих богомольцев: «се, Пречистая грядет»... И в тот самый день Благовещения, когда так шумно в городах и селах, разряженные люди предаются праздничному катанью, а в тесной келье затерянного среди лесов Сарова, – посещала великого Серафима Царица Небесная.

Задумался старец киевский Парфений над прочитанными где-то словами о том, что Богоматерь была первой инокиней, и видит он: идет полк преподобных отцов Киево-Печерских, а впереди их с жезлом в руках в монашеском одеянии Она, Которой были посвящены все мысли благоговейного старца, и раздался к нему чудный голос из молчаливых уст Ее: «Парфений, Я Монахиня».

Такой уже склад души, такое призвание – служить Богу и никого кроме Бога в мире не знать, а людей любить только для Бога и в Боге.

Цель монашествующих есть единственно – спасение души.

Другой цели у монахов быть не может, и быть не должно. Монах, начинающий свой путь, не должен думать о том или ином значении своего дела, о том, что через него будут спасаться другие люди.

В этом заключалось бы отсутствие смирения со стороны человека, который считал себя настолько слабым и недостойным, что боялся не уцелеть среди мирских соблазнов.

Мытарь, ставший у порога храма и взывающий: «Боже, милостив буди мне грешному», – мог ли такой мытарь думать, что он поведет людей к спасению!

Если бы кто-нибудь мог войти в душу монахов по склонности и призванию, если бы кто-нибудь мог раскрыть сердца таких людей, как Серафим Саровский, в молодые их годы, при начале их монашеского подвига, то, конечно, там не нашлось бы ни малейшей мечты, что они будут что-нибудь значить для мира.

Иные думы, иные чувства...

Душа всеми силами своими почувствовала великую красоту духовной жизни, в восторге сознала, что одно для нее во всей жизни дорого – это Бог; и останется здесь, у ног Христовых, как Мария, слушающая словеса благодати, падающие из уст Христовых.

В том высоком порыве любви к Богу, удивления и жажды Божества, которые увлекают христианина, созданного для монашеского подвига, там прямо немыслима какая-нибудь дума о людях.

И вот, над человеком, с таким расположением вступающим в монашество, происходит одно из чудес монашества.

Чем больше и значительней углубляется человек в область иночества, чем больше жаждет полного единения с Богом и чем дальше уходит он поэтому от людей, – тем он становится этим людям нужней.

Чем крепче затвор отшельника, чем в большую глушь он забрался, тем настойчивее и нетерпеливее стучит в эту запертую дверь мир. Отворенные кельи, смешавшиеся с «миром», в нем растворившиеся – никому не нужны и не интересны, как исчадия этого самого «мира».

Значение монаха для жизни заключается в его идейном отдалении от мира. Чем более освободится монах от земного, чем дальше и глубже – говоря выпукло – уйдет он в небеса, тем драгоценнее и необходимее он для «мира». И все это происходит само собою, помимо его воли и его намерения.

Не имея, таким образом, при начале и продолжении своего подвига вовсе в виду «мира», монах становится для него нужным, когда он достигнет той единственной цели, с которой к своему деланию приступал: исправления жизни, победы над грехом.

Поскольку монах свят, постольку он миру и нужен.

Главное, что руководит монахом, бегущим от мира, это всепоглощающая любовь ко Христу.

Люди с такою любовью и в большинстве случаев с первой сознательной юности вступающие на иноческий путь – это, так сказать, монахи «чистой воды».

М. В. Нестеров «Явление отроку Варфоломею»

Стучит же мир в затворы и гоняется за скрывающимися в лесах отшельниками, потому что такие люди – магнит для ищущей обновления души. Погруженность души в Бога, напряженное с Ним общение, весь тот в корне отличный от мира быт, в котором живут истинные иноки, все это образует в них эту собранность и силу духа, выковывает из них тех особенных, во всем от мира отличных людей, которые так миру необходимы, как примеры высшей и лучшей жизни, как целители духа, молитвенники.

Какою поэзиею обвеяна тайна этих душ – мальчиков Варфоломеев и Прохоров – будущих Сергиев Радонежских и Серафимов Саровских. Какая сила чувства наполняла эти детские сердца, когда, стоя пред старыми иконами или наедине в том торжественном, нерукотворном храме Господнем, какой представляет из себя природа, эти дети прислушивались изумленно к первым робким гимнам, которые запевало Богу их сердце, чтоб петь их не переставая на всем пространстве своей жизни, а потом, вознесясь с ними в высоту, не умолкнуть в веках веков у престола Славы.

Да, – любовь, громадная, всепобеждающая, всепоглощающая любовь к таинственному, единственному, прекрасному Жениху души, к Которому душа стремится, по Котором тоскует, Которого зовет.

Есть люди, и тоже искренние, которые не сразу понимают, что слишком глубока их душа для иной какой-нибудь привязанности, кроме любви Божественной, что только огонь, который «вовреши» в сердца пришел Христос: единый только этот огонь согреет их и даст им счастье, раньше долго ищут на стороне, пока не поймут и не придут к Нему, усталые, изжив попусту много душевных сокровищ, испытав в юдоли греха много мучащих восторгов. И их принимает Господь... Но где тут красота отдачи Христу всей свежести своих чувств и сил, где та жертва, к которой когда-то Христос звал богатого юношу, и от которой тот отказался?

Есть путь еще более дальний. Некоторые бросаются в иночество уже тогда, когда все земное им изменило, когда надвинулось неисцелимое одиночество. И идут наудачу, что, может быть, углубление в мир религии наполнит им душу. Тут, конечно, любви к Богу еще меньше. Кроме этого чувства любви, как побуждения к монашеству, есть еще следующие идейные его основы.

Есть две глубоко интимные, деликатнейшие и великодушнейшие причины, которые могут увести от мира совестливого, вдумчивого и тонко чувствующего человека.

Причины эти в личной, так сказать, близости, в чуткой внимательности человека ко Христу и к человечеству.

Многие ли из верующих, из считающих себя верующими, имеют ко Христу личное отношение? Многие ли продумывали в себе всю Его жизнь, до боли почувствовали, до слез, до оцепенения, всю тяжесть того, что совершено для каждого из нас этим воплотившимся Богом?

Помним что-то о страдании при Понтийском Пилате, выстаиваем кое-как «двенадцать евангелий», весело несем домой горящую «четверговую свечу». Но кто вместил, про-

чувствовал и застыл в созерцании? Кто испытал жалость к этому странничеству по зною и пыли, к этому короткому, но пронзающему признанию: «Сын Человеческий не имеет, где главы подклонить».

А страшное моление «до кровавого пота» в саду Гефсиманском, а предание, заушение «трости надломанной не преломившего», терновый венец, и, наконец, Голгофа и звук молота, пробивающего гвозди чрез распростертые за нас руки...

– За меня, за меня! – вопит, терзается сердце, пораженное навсегда этою мировою минутою, и клянется от этого креста не отойти.

И вот, молодые патриции бросают дворцы и должности: «с Тобой в нищете, с Тобой безприютным, гонимым».

Осудили вы человека, который, потеряв существо, наполнявшее всю его жизнь, весь ушел в свою скорбь... Так и они... Христос на кресте: все тут сказано...

Жизнь зовет могучими призывами... Мраморные виллы, теплые синие волны моря, ласковый ветер в темной густой зелени лавров, в благоухании белых цветов померанца... Но «Христос на кресте»... И – не надо, ничего не надо!..

Тихие картины семейного счастья... любимая, верная жена, растущие дети, домашний уют; хозяйство и предприятия для обогащения... Но «Христос распят»... И меркнет все в свете Голгофы... Только одна она освещена страшным светом, и нельзя оторвать от нее глаз...

Государство, народ... Общественные задачи... Влиятельные должности... А Он один, оставленный на кресте... Нет, уже с Ним, не отходя, ловя последние крики «жажду» из запекших уст, ожидая последнего вздоха с «преклонением главы».

Царство мысли, постижение мира, углубление в природу и чудеса искусства – захватывающая широта человеческой мысли и чувства... И Его зов: «Кто жаждет, пусть придет ко Мне и пьет!». О, пусть один Он, только один поит из Своих рук водой живой... Все другое не будет ведь чище и слаще этой Его воды.

Да, охваченные жаждой, страстью (беру это слово за неимением другого, более подходящего) к небесному, люди просто теряют вкус к земному.

Ведь вы не утешите комфортом среднего обывателя, который показался бы верхом благополучия для чернорабочего, не утешите им разорившегося миллиардера. Так бледно, ничтожно все земное для того, чья душа хранит смутные воспоминания и ясные предчувствия иной, освещаемой незаходимым солнцем вечности, жизни.

Преподобный Серафим Саровский

Сострадание Христу в благодарной и преданной душе вызывает желание – не только посвятить Ему себя, но и страдать с Ним.

В этом объяснение того элемента вольной муки, которою томят себя истинные иноки.

Понятен пост для молодого инока, умерщвляющего в себе страсти.

Но как и чем объяснить себе такое томление голодом и жаждою семидесятилетнего, как старец Серафим, подвижника... Этот невероятный образ сна, который он изобрел для себя в последние годы жизни и на который без ужаса смотреть было невозможно (он становился на колени и забывался, опустив голову на руки, опираясь локтями в землю) этот тяжелый мешок, набитый камнями, который он, со своими больными, в ранах, ногами, носил постоянно на спине: к чему это терзание, когда страсти давно умерли, и человек уже в равноангельском состоянии?

Потому что пораженное мукою Христовою сердце требует и себе муки и в этой муке находит утоление той боли, которую причиняет ему страдание Распятого... Всегда привязчивое, верное сердце искало разделить участь любимого существа, и в страдании с ним вместе находило своеобразное счастье.

«На Тебе терн, и я в муках – шептали, быть может, губы старца Серафима Христу... – Ты бичеван, и я в ранах этим страданием с Тобою утешаюсь; и, с распадением любви к Тебе, распаляю и ожесточаю страдание мое. И на вершине его нахожу вершину счастья».

Вот эта нежность в чувствах к Богу, с сознанием, чем Христу человек обязан, желание участвовать в муке Христовой и невозможность насытить свою душу элементами земного счастья и составляет у истинных монахов «высокого полета» причины отвержения ими мира...

Остается еще их отношение к людям.

Разница в положении людей: несметные богатства, без усилий доставшиеся одним, и кровавая борьба других за насущный кусок хлеба, конечно, глубоко тревожит всякого совестливого человека и не позволяет ему пользоваться спокойно его достатком.

Но все это поводы, а главная причина все же одна: незагасимая жажда Бога, то непреодолимое стремление к вечному Солнцу, с каким подсолнечник поворачивает к видимому солнцу свою головку.

Не все сразу отдаются этому призванию.

Многие раньше платят миру щедрую дань, и когда зло мира, ими познанное до глубины, омерзеет им, и они примутся за подвиг, – мир начинает кричать:

«Знаем его – он хуже нас. – Что же теперь святошествует?».

Нет, он лучше вас. Оставьте его. В вас не горел этот огонь духовный, испепеливший в нем, наконец, его могучие страсти.

Вы не знали его тяжелой борьбы и его молитвы и не слышали воплей его к Богу.

Да и что знаем мы вообще об этой поре жизни, когда начинается подвиг, и человек затворяется со своим Христом в тайной келье?

Е. ПОСЕЛЯНИН
«ИДЕАЛЫ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ»

«О, Воскрешающая Русь!»

Божией Матери, воскрешающей Святую Русь

О, Воскрешающая Русь!
О, Богомати Пресвятая!
Поставь страну на верный путь,
Всех православных вразумляя.
Хитросплетения врага
И козни дьявола открой!
К порокам нашим будь строга.
России дай понять грех свой!
Чтоб покаяние принесли
И душу мы слезой омыли,
А крест свой с мужеством несли
И долг пред Богом не забыли.
Державная Царице наша!
Уж переполнилась та чаша
Скорбей и тягостных невзгод.
И не найдем мы нужных слов,
Чтоб выразить всю боль, страдания
И муку нашего изгнания
Из той страны, где правил царь,
Там, где святые жили встарь,
Святую веру мы попрали.
Себя же этим обокрали.
От поругания спаси!
Россию нашу возроди!
Чтобы воскресла Русь Святая
Творца и Бога прославляя!

Марина Невская г. Воронеж

На кончике ресниц дрожит душа,
Готовая слезинкою сорваться.
И путь вперед — по лезвию ножа.
И в мире сем так трудно разобраться.

А времени очередной виток
Восходит в вечность, оставляя шрамы.
Но часто одиночества глоток
В сердцах и душах воздвигает храмы.

А Бог велицей милостью Своей
Хранит нас, как и прежде, так и ныне,
Хоть часто в дни напастей и скорбей
Кругом лишь многолюдная... пустыня!

Так холодно! Но теплится душа
Во мраке одинокою свечою,
Порою спотыкаясь и греша —
Так свечки огонек дрожит порою.

Но, посылая скорби на пути,
Господь врачует наши прегрешенья.
А чье-нибудь сердечное «прости»
Согреет душу светом утешенья.

Инокиня Любовь (Коновалова)

Осеннее размышление

Закрытый храм... потухшая лампада...
Застывший воск угаснувшей свечи...
Безлюдный клирос... спящая ограда...
Замки, запоры... сторож и ключи...

В безмолвный купол скрывшиеся лики
Захлопнутые книги до утра,
И половиц недвижимые блики,
И тишина — раздумия сестра...

Холодный блеск оброненной монеты,
Тепло Евангелия со следом перста,
Паникадила дивные браслеты
И торжество над куполом Креста...

Закат. Луна. Сверчок затишье пьющий,
Печальный журавлиный перелет
И тихий шелест осени поющей
Стекающий в оконный переплет...

Все спит и дышит тайной: тихо, свято...
Цвета и звуки — все в одно звено;
И льется звон молитвенного злата
Как сладкое церковное вино...

Невидимо горит души лампада...
Невидимый дымится фимиам...
Из глубины старинного оклада
Невидимо святые входят в храм...

Монах Лаврентий (Подколзин)

Доброе братство милее богатства

В одном селении жили два брата; они пахали землю и сеяли хлеб. У младшего было семеро детей, а старший был холост. Жили братья дружно, земли меж собой не делили, вместе пахали и сеяли. Когда поспел хлеб, они сжали его и поделили снопы поровну.

Пришла ночь. Лег старший брат и думает: «Хорошо ли мы хлеб поделили? У брата-то семья большая, ему на детей много хлеба надо. Пойду-ка я, да и подложу своих снопов». И он пошел и переложил часть своих снопов в копну брата.

В ту же ночь младший брат сказал своей жене: «Хорошо ли мы с братом хлеб поделили? Брат стар, он живет один, некому помочь ему в домашних работах. Прибавим ему немного наших снопов». И сделали они, как задумали.

Днем смотрят братья – снопов не убыло, опять у обоих поровну. Подивились братья, но ничего не сказали друг другу. И так несколько ночей братья хлеб перекладывали один другому. Наконец они стали караулить по ночам поле и застали друг друга на месте.

Братская любовь – крепче каменных стен.

(Народная сказка)

Лошадь и жаба

После дождя высыпали ребятишки за околицу. Весело им шлепать по грязным лужам. Вылезла на дорогу и жаба; сидит тихо на краю лужи – хорошо ей.

Увидели жабу дети и говорят: «У, гадина какая! – устроим ей потеху». Наломали они острых прутьев и давай ими тыкать жабу. Всю ее изранили. Прыгает жаба, хочет спрятаться, а мальчики не пускают, да еще хохочут.

Едет к этому месту лошадь с возом, старая, худая. Тяжело ей тащить воз по грязной дороге. Отошли дети в сторону и смотрят, что будет с жабой. А лошадь увидела жабу и остановилась. Мужик сердито на нее крикнул... Колеса глубоко увязли в грязи; трудно лошади свернуть в сторону. А все-таки собрала она все силы и объехала жабу.

Увидел тут и мужик жабу. «Ишь ты, лошадь гадину пожалела! Тварь, а понимает!» – сказал он.

Воз проехал. Дети опять подошли к жабе. Постояли и отошли прочь; хотели игру затеять, да что-то у них не ладилось: им было чего-то стыдно. *(Из «Цветника»).*

Печатается по книги «ЗЕРНЫШКИ», кн. 2

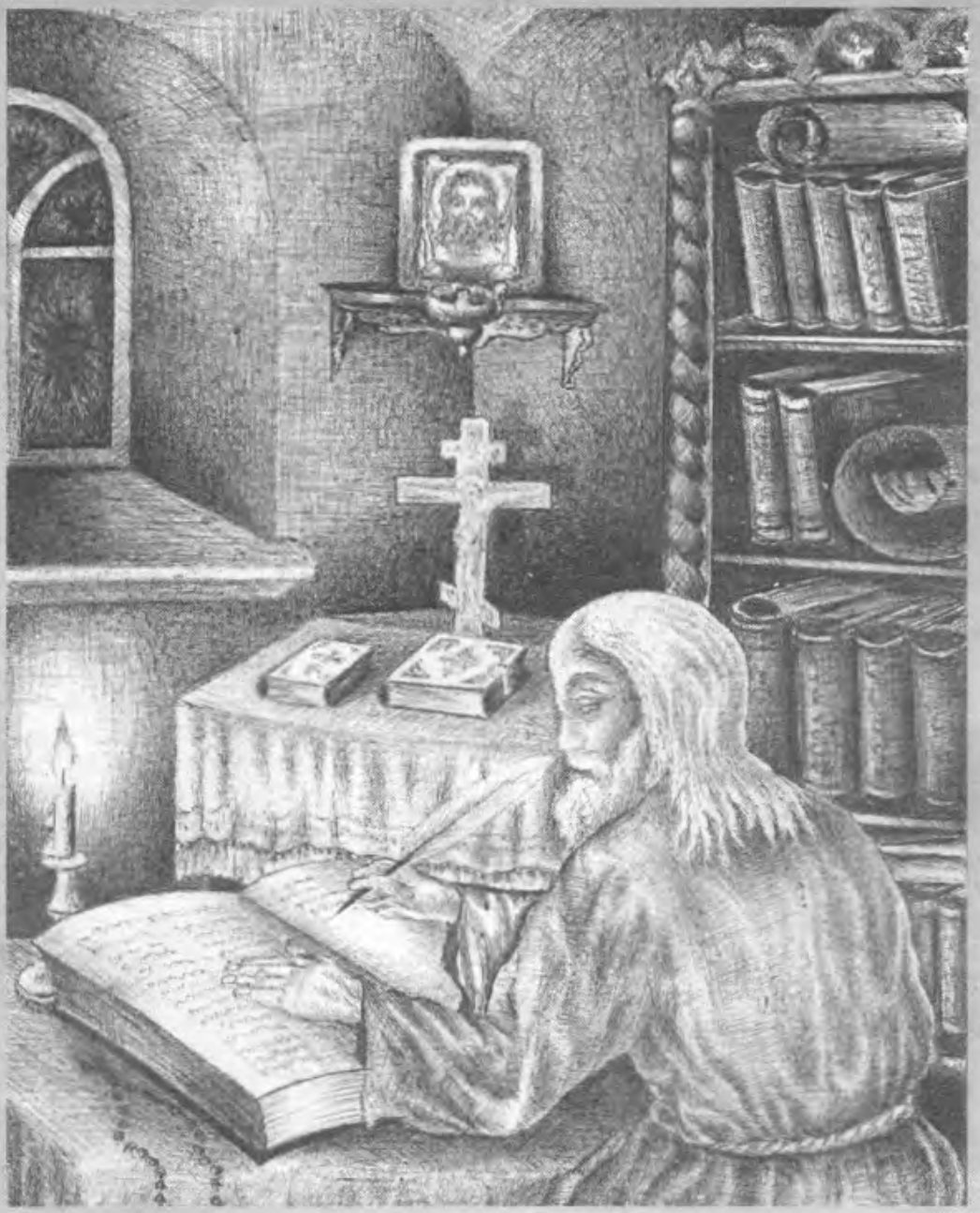
Просьба не использовать газету в хозяйственных целях

Просим имеющих возможность оказать благотворительную финансовую помощь на издание альманаха «Задонский паломник». Деньги высылать на адрес монастыря с пометкой: «На издание "Задонского паломника"».

Желающим можем высылать альманах «Задонский паломник» по почте. Для этого просим присылать свои заявки на адрес монастыря с пометкой: «Для "Задонского паломника"».

При перепечатке ссылка на "Задонский паломник" обязательна

399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14,
Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, тел. 2-49-55
выходит с 2000 г. *Тираж 990 экз.*



Ищи премудрости чтением и размышлением святого Божиего слова и усердною молитвою. Бог премудрости и всех благ источник, да умудрит нас во спасение наше и во славу святого имени Своего.

Святитель Тихон Задонский